

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ ★

СПЕЦНАЗ

ОГНЕННЫЙ
ПЕРЕВАЛ

Сергей САМАРОВ

Сергей Васильевич Самаров

Огненный перевал

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176473

Огненный перевал: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-32549-8

Аннотация

Хорошо еще, что вертолет рухнул на склон ущелья с небольшой высоты. Так что уцелели почти все – и бойцы из спецотряда ГРУ под командованием старлея Воронцова, и капитан Павловский с беременной женой, и контрактник Одинцов... А еще – полковой священник отец Валентин, под чьим присмотром перевозили коллекцию редчайших икон. Вот за иконами-то и охотится чеченский полевой командир Ширвани. Его боевики обложили вертолет со всех сторон и намерены любой ценой добыть бесценный груз. Но окруженные бойцы готовы защищать святые реликвии. Тоже любой ценой...

Содержание

Пролог	4
Часть I	18
Глава 1	18
1. Максим Одинцов, рядовой контрактной службы, спецназ ГРУ	18
2. Святой Валентин, авторитетный кидала	35
Глава 2	56
1. Старший лейтенант Александр Воронцов, командир взвода, спецназ ГРУ	56
2. Капитан Вадим Павловский, пограничник	78
Глава 3	95
1. Ширвани Бексолтанов, самодостаточный эмир	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Сергей Самаров

Огненный перевал

Пролог

1

Телефонный звонок раздался среди ночи, и Ширвани Бексолтанов, который только-только уснул нормально, не проснувшись еще окончательно от этого звонка, схватил трубку мобильного, но сразу сообразил, что если экран не светится, значит это не мобильник звонит. Звонок повторился. И только после этого Ширвани перешел комнату и вытащил из кармана пиджака, висящего на спинке стула, трубку спутникового телефона. Мелодии у трубок были похожие, отвечающие консервативному вкусу владельца, признающего только восточные напевы, и спутать спросонья было немудрено.

Определитель номера показал знакомое имя.

– Здравствуй, Уматгирей, – сказал со сна хрипло, но своего недовольства пробуждением не показывая. – Что, у вас в Альпах еще вечер?

Живо выплыло воспоминание о маленьком аккуратном

домике на берегу озера в швейцарских Альпах недалеко от границы с Францией. Этот дом не Уматгирею принадлежал, но тот пользовался им, с разрешения хозяина, члена правительства кантона, когда необходимо было провести встречу так, чтобы никто не имел возможности увидеть и услышать беседующих. Бексолтанов уже трижды этот домик посещал.

– Нет, Ширвани, у нас тоже уже ночь наступила. Но в такие ночи не до сна. Надеюсь, не только мне... Что скажешь? Удалось что-то узнать?

– Мало... Но удалось... Весь груз сейчас находится в погранотряде. Трех моих парней пограничники застрелили, захватили двоих моих и твоего парня. Отбить груз у меня возможности нет. У меня нет достаточных сил даже для того, чтобы на самую захудалую заставу напасть, не говоря уже о погранотряде. Лет бы пять назад... Тогда бы я не постеснялся.

– А когда и куда будут груз вывозить? – недовольно спросил Уматгирей.

– Это только Аллаху известно и тем, кто в данный момент моим грузом владеет. Я бессилён что-то узнать.

– Ладно... Что бы ты без меня делал... – донесся вздох из далекой Швейцарии. – Я дам тебе номер человека. Он сам, правда, в Лондоне живет. Но всю необходимую информацию может добыть, не вставая с кресла. Запоминай... Только запоминай, не записывай...

– Я хорошо запоминаю телефоны.

Уматгирей продиктовал номер. Ширвани повторил.

– Как его зовут?

– Не называй его никак. Просто назови свое имя и выскажи свою просьбу.

– Хорошо. Когда ему можно будет позвонить?

– Утром. Учти разницу во времени. Не два часа, как со мной, а три. Они живут «по Гринвичу»... Человек будет недоволен, если ты прервешь его утренний сон. Вдруг ему снится что-то хорошее... Можешь сослаться на меня. Я тебя послал. Я буду оплачивать расходы. А он узнает все. Понял?

– Позвоню... Результат тебе сообщить?

– Я сам тебе позвоню. Ближе к обеду. Если необходимо будет действовать, действуй не стесняясь, и во всем можешь сослаться на меня.

Уматгирей отключился от разговора, как часто делал, не простившись. Это для того, чтобы собеседник чувствовал какую-то вину, даже если не виноват ни в чем. Старый психологический трюк, который, впрочем, Ширвани прекрасно знал, и потому в ответ на его действие только криво усмехнулся. Впрочем, усмешка у него всегда была кривая, потому что часть его некогда красивого лица была изуродована ожогом, а перетянутая шрамами кожа делала кривой даже доброжелательную улыбку...

Уматгирей позвонил даже раньше, чем обещал.

– Есть новости, я слышал...

Откуда он вести вылавливает – это всегда было загадкой для Ширвани Бексолтанова. Часто Уматгирей давал задание, потом звонил и уже знал результат, и даже иногда подправлял доклад самого участника события. Докладчика это злило, но Уматгирей любил свою осведомленность показать, видя в этом подтверждение своего значения.

– Есть, – ответил Бексолтанов, глядя за окно на строительство нового здания. Оно обещало быть красивым, каких никогда раньше не строили в столице Чечни. Впрочем, все современные здания, кроме жилых, отличаются от тех, что раньше строили. Город не узнать, но это одновременно и радовало, и раздражало, потому что Ширвани всегда был консерватором, и даже плохое старое для него всегда было лучше любого нового.

– Слушаю тебя. Поделись приятными новостями.

Уже по одним этим словам можно было понять, что Уматгирей знаком не только с тем, что подсказал Ширвани информированный человек в Лондоне, но и с действиями самого Бексолтанова на месте, в Грозном.

– Ты же сам все знаешь...

– Я люблю вникать в детали. Я же никогда не лезу коман-

довать. Что ты задумал, тебе и выполнять, но я могу иногда дать дельный совет, ты сам, наверное, это понимаешь. Потому и спрашиваю...

– Сегодня из погранотряда вылетает вертолет. Через пятнадцать минут должен вылететь. Вертолет приземлится на военном аэродроме. Там его будет встречать ментовская машина, которая заберет попа. Кажется, отец Валентин его зовут. Мне даже по факсу прислали фотографию этого попа. Пожилой толстячок, не способный к сопротивлению. Что касается встречающих... Два мента, водитель и охранник из отдела вневедомственной охраны и наш местный поп. Поедут в Ханкалу, чтобы оттуда вылететь дальше. Наш местный поп тоже не в состоянии сопротивления оказать. Он больной от рождения. Наполовину инвалид...

– Это все я знаю... Что будешь предпринимать?

Все Уматгирей знать, естественно, не мог, но он умеет делать вид, что знает больше, чем было в действительности, и на некоторых это впечатление производило. Но только не на Ширвани Бексолтанова, который своего собеседника слишком хорошо знал.

– Это ты тоже наверняка знаешь... Я приготовил три машины, которые будут действовать, и еще две машины и трактор, чтобы перекрыть дорогу. Две машины столкнутся. Не сильно, но объехать их будет невозможно. Трактор просто сломается и встанет на дороге, никого не пуская. Никто не помешает. С ментами разговор будет короткий. Попы, ду-

маю, угрозы не представляют. И сразу хочу отправить груз в Дагестан. Не завозя его в Грозный...

– Внешне все правильно... Только здесь можно ошибиться. Будь осторожен и точен, не выставь заграждение раньше времени. Вертолет – штука не слишком надежная, а у вас там грозы гуляют... Могут опоздать, и ты «засветишься»...

– Ты и с прогнозом нашим знаком?

– Если я интересуюсь вопросом, то изучаю его со всех сторон. А вообще-то у нас тоже гроза за грозой гуляет, – сказал Уматгирей и отключился от разговора.

А Ширвани взглянул на часы, сам себе улыбнулся в зеркало, не пугаясь своего обожженного лица, и стал одеваться, чтобы отправиться в дорогу. В отличие от большинства боевиков и вообще всех, кто был когда-то боевиками, он не любил камуфлированные костюмы. Ширвани надел черную рубашку и черный повседневный костюм. Подмышечная кобура под пиджаком, даже на все пуговицы застегнутом, была совсем не видна, и на улице никто не принял бы Бексолтанова за человека воинственного, бывшего полевого командира, эмира сильного некогда джамаата...

* * *

Каким бы заостенело консервативным ни был человек, обязательные слабости имеет и его консерватизм. Это правило без исключений. Все консервативные люди на Кавка-

зе предпочитают другим машинам «Волгу», даже зная, что как машина «Волга» по нынешним временам не может быть престижной моделью. Но понятие престижности «Волги» с советских времен осталось и в кровь многих вьелось. Ширвани Бексолтанов «Волгу» не любил как раз потому, что любил машины вообще, а хорошие машины особенно. И потому предпочитал ездить на машине очень серьезной не только по цене, но и по престижности – на «Порше Кайен». Уже один вид этой машины не рекомендовал ментам интересоваться личностью владельца. А случись что, по разбитым дорогам за «Кайен» даже не видящий ухабин и глубоких ям «уазик» не угонится.

Вспомогательные группы Ширвани выслал к месту операции заранее. И теперь ждал доклада о прибытии их на место, которое располагалось в зоне устойчивой сотовой связи, и проблем с докладом возникнуть не должно было бы. Сбор основной группы был назначен во дворе большого дома на окраине Грозного. Туда и приехал Ширвани. Как и полагается командиру, последним. Командир ждать никого и никогда не должен. Наоборот – его должны ждать. А потом, после его прибытия, ждать стали уже вместе. Докладов. И они начали поступать. Сначала от вспомогательных групп. Две машины и трактор в дороге. Преодолели уже половину пути. Значит, все идет по плану. Потом поступил доклад от человека, контактирующего с авиационным диспетчером: вертолет вылетел из погранотряда. По дороге он совершит посадку на пе-

ревале, где высадит одну группу спецназа и заберет другую. Следующий доклад пришел через тридцать минут: вертолет покинул перевал и держит курс на аэродром.

– Выезжаем... – коротко и по-деловому, почти буднично, скомандовал Бексолтанов. – Интервал три минуты. Дистанцию держать...

Он поехал, естественно, не на своей машине, такой приметной и запоминающейся. Для боевых операций существует множество машин самых простых моделей, которые потерять или даже бросить после операции не жалко – из России пригонят новые, только что угнанные, за бесценку. Но едва последняя машина, в которой и ехал сам Ширвани Бексолтанов, начала удаляться от Грозного в южном направлении, как подала «голос» трубка мобильного. Ширвани посмотрел на определитель номера. Снова звонил человек, который был на связи с диспетчером. Весть пришла непонятная, и потому неприятная – прервалась связь с вертолетом, который вошел в грозовую зону. Последнее сообщение было о том, что вертолет обходит грозовой фронт по дну ущелья. И все... Больше связи не было...

– А что, радары его не видят? – по наивности спросил Бексолтанов.

– Я тот же вопрос задал, – объяснил связной. – Радары видят только то, что над горами летит. Если машина ушла в ущелье, ее не поймать. Горы экранируют.

И что Ширвани оставалось делать после такого сообще-

ния? Отменять операцию, потому что вертолет пропал со связи? А если у него только со связью неполадки? И если он благополучно долетит? Но, с другой стороны, если не долетит, то, выставляя засаду, Бексолтанов может «засветиться» раньше времени.

– Держи меня в курсе дела. Каждую новость сообщай... – потребовал Ширвани и стал сообщать своим помощникам на всех машинах, чтобы готовили запасные варианты развития событий, потому что дело может по времени сдвинуться, но может и не сдвинуться. И надо быть ко всему готовым...

* * *

Время шло, от связного сообщений не поступало. Ширвани успел проехать неторопливо в один конец, развернуться, проехать всем составом машин в другой конец, уже быстро, на случай, если потребуется вскоре оказаться в другом месте. И снова направились к месту организации засады, когда позвонил не связной, а уже сам Уматгирей, снова продемонстрировавший свою магическую осведомленность:

– Что делаешь? Какие меры принимаешь?

– Жгу дорогой бензин, катаясь по дороге туда-сюда.

– Можешь не кататься. Возвращайся. Вертолет, говорят, разбился, иначе уже прибыл бы на аэродром батальона спецназа. Все сроки вышли. И ты отправляешься искать его, пока федералы не могут этого сделать из-за грозы.

– А я могу? Мне туда сколько добираться...

– До грозового фронта тебя подбросят вертолетом. Я договорился. После этого в твоём распоряжении ещё два часа. Это все, что может себе тот вертолет позволить. Вы же на вертолете будете искать, невзирая на грозы. Придется рисковать. Вертолетчику уже заплачено. Вертолет у тебя будет маленький, с собой можешь взять только троих. Пока отправляйся в Ханкалу. Людей с оружием выстави где-то в стороне, чтобы вертолет смог забрать их.

– И что, груз стоит того, чтобы входить в громадные трапы? – спросил Ширвани с легким раздражением.

– Среди груза есть одна редкая икона известного мастера, которую нам меняют на десять «Стингеров».¹ Русские священники сами не знают цены этой иконы. А коллекционер готов не скупиться. Он много лет потратил на поиски и не хочет отступать. И мы тоже... Десять «Стингеров»... За это стоит рисковать.

– За это стоит... – согласился Бексолтанов.

Минувшей весной в Чечню было отправлено шесть «Стингеров», но ни один не дошел до адресата. Все перехватили федералы...

¹ ПЗРК «Стингер» – переносной зенитный ракетный комплекс американского производства.

– Разрешите, товарищ генерал?

Человек в штатском, сидящий за громадным по размерам письменным столом, не поднимая головы, посмотрел исподлобья на вошедшего капитана и молча кивнул, показывая на стул, выдвинутый из-под приставного стола для заседаний. Этот стул всегда был специально выдвинут, чтобы вошедшие именно на него садились. И капитан это, похоже, знал.

– Мы попробовали исправить положение, товарищ генерал. Конечно, если бы не пограничники, исправлять ничего не пришлось бы, и избежали бы больших затрат, и это дело оставлять без внимания нельзя, чтобы...

– Что нельзя оставлять без внимания? – перебивая, сердито спросил генерал.

У капитана взгляд нетвердо перебежал по различным предметам, выставленным на столе, и вернулся к бумагам, которые он выкладывал перед собой. На генерала он предпочитал не смотреть, потому что не мог генеральский тяжелый взгляд выдержать, как и все сотрудники управления. Взгляд этот многих заставлял, к собственному их немалому удивлению, заикаться, хотя до этого они всегда, казалось бы, разговаривали нормально.

– Я, товарищ генерал, про позицию пограничников говорю...

– За срыв первоначального плана отвечать будете персонально вы.

– Товарищ генерал, я же ведь предупредил командира погранотряда...

– Телефонным звонком предупредить мог бы и преступник, представившись вашим именем.

– Но мы с командиром погранотряда хорошо знакомы, проводили несколько совместных мероприятий. Вообще, можно сказать, почти приятельские отношения. И он не контролировал выполнение своего приказа, в результате чего груз был задержан, трех контрабандистов застрелили, а троих задержали...

– А на основании чего он мог отдать такой приказ? Если бы он отдал такой приказ, его можно было бы судить. Другое дело, если бы вы, капитан, отправили официальное письмо через руководство погранвойск, его можно было бы судить за неотдачу такого приказа. И не пытайтесь уйти от ответственности.

– Я, товарищ генерал...

– Все, этот вопрос больше не обсуждаем. Что там дальше с вашими бандитами?

– Передали им информацию. Они уже занялись организацией. Нашли подходящего человека и, насколько нам известно, уже отправили его в погран-отряд вместо настоящего священника. Все должно получиться. Одновременно мы сделали утечку информации в Швейцарию. Якобы случайно.

Нужный человек обратился к тому же самому полукриминальному эксперту с предложением предварительной оценки по фотоснимкам и описанию. Снимки и описание сделаны квалифицированно. Эксперт дал финансовую оценку, получил деньги, а сам тут же передал информацию по цепочке своим постоянным клиентам. Так она дойдет до адресата, а от него вернется к эмиру Ширвани Бексолтанову. Бексолтанова мы контролируем, и каждый его шаг...

Звонок внутреннего телефона остановил речь капитана. Генерал поднял трубку, выслушал и сказал коротко:

– Пусть войдет.

Уже через пять секунд дверь открылась, и в проем двинулся бочком и с заметной опаской старший лейтенант. Глянул коротко на капитана, своего начальника, потом посмотрел в сторону генерала:

– Разрешите...

– Что там такое срочное?

– Неприятности в нашем вопросе, товарищ генерал. Сейчас пришло сообщение... Пропал со связи вертолет, на котором вывозили груз из погранотряда. Там идет плотный грозовой фронт, и диспетчер предполагает крушение. В случае крушения все наши надежды...

– А все из-за того, что капитан поленился сделать официальное письмо и понадеялся на личностные отношения... – сделал вывод генерал. – Как будете выкручиваться?

– Будем выкручиваться, товарищ генерал, – твердо пообещал.

щал капитан, вставая и на сей раз глядя уже генералу в глаза. – Разрешите идти, чтобы собрать информацию и принять возможные меры.

– Идите. И держите меня в курсе дела.

Часть I

Глава 1

1. Максим Одинцов, рядовой контрактной службы, спецназ ГРУ

А ты, мама, никогда не понимала меня... Ты просто никогда *не хотела* понять, не хотела со мной считаться, не могла мириться с тем, что я тоже *имею право* на собственное мнение. Ты вообще не понимала, как это я претендую на собственное мнение, когда существует мнение твое... Это в твоей слегка мелковатой, но все же красивой голове никак не укладывалось... А я свое мнение имел всегда, с самого раннего детства... Просто я рано научился приспособливаться и свое мнение не высказывать, чтобы не слышать твой окрик... Или *повелительный* крик, если сказать честнее. Тебе же всегда *кажется*, что тебя понимать не хотят, когда ты не кричишь. Тебе кажется, что тебя *упорно* не хотят понимать, и потому ты кричишь... А если кричать начинаешь, то уже остановиться не можешь. И все собираешь в одну кучу, что в голове у тебя сидит, все, что в памяти с раннего детства осе-

ло и ко мне вообще-то чаще всего никакого отношения не имеет... Ты кричала, а я молча слушал, какой тупой и вечно пьяной сволочью был мой отец, и не возражал не потому, что отца с трехмесячного своего возраста ни разу не видел. Я молчал, и все только потому, что ты принимать возражения от меня не желала и не умела. Я много чего еще выслушивал и втихомолку *жалел* тебя. Ты кричала, потому что не кричать не могла, а я тебя жалел, потому что ты не можешь не кричать... Ты меня оскорбляла, а я думал о том, сколько ты оскорблений в жизни выслушала, чтобы все их запомнить и высказать потом мне...

Я тебя жалел, и *сейчас тоже* жалею...

Я и сейчас тебя жалею, мама... Хотя нахожусь так далеко, что твоего крика не слышу... Он другим, наверное, стал, потому что возраст голос не щадит, а ты уже очень даже не молода, и еще потому, что сейчас это не привычный моему уху возмущенный крик якобы оскорбленного твоего собственного необъятного «Я», а крик боли...

Того, кто от боли кричит, всегда жалеешь, даже если это чужой человек. А уж если родной... Я очень сильно жалею тебя, мама...

Потерпи, мама... Я скоро приеду и пожалею тебя не только в мыслях, но и вслух... Я знаю уже, что такие люди, как ты, любят, чтобы их пожалели, и им кажется, что это помогает им чувствовать себя лучше. Я уже давно набрался жизненного опыта, хотя ты об этом никогда слышать не хотела,

не допуская мысли о моей самостоятельности. И жизненный опыт подсказывает мне, что тебя надо жалеть...

* * *

Похоже, в облаках ветер загулял круто...

Я сидел спиной к иллюминатору, но живо представил, как где-то там, за алюминиевой обшивкой вертолета, ветер в ключья рвет облака. Даже оглянуться захотелось, чтобы посмотреть, но на коленях у меня лежал мой тяжеленный рюкзак, а поверх него еще и сложенный вдвое бронежилет, поверх бронежилета – «разгрузка», которую я с удовольствием сбросил с плеч сразу после посадки, а в «разгрузке» карманы набиты запасными спаренными рожками к автомату и гранатами к подствольному гранатомету. Я хотел перед вылетом передать гранаты и запасные патроны тем, кто остался, но командир взвода распорядился сдать их на склад в батальоне, потому что во взводе и так у каждого полный боекомплект вместе с боевым. Гранаты и патроны оставляют только те, кого сменили. Там, в карманах «разгрузки», еще много всего, нелегкого и хорошего, нужного на войне, – моток проволоки для установки «растяжек», кусачки для этого же, увесистый кастет из нержавеющей стали, трофейный пистолет, который я «забыл» сдать командиру, правда, в пистолете всего два патрона, и подобрать другие сюда пока не удалось, но это не беда... А поверх «разгрузки» уже и авто-

мат пристроен. Тоже с полным рожком. Итого больше шестидесяти килограммов веса на коленях. Не хочется с таким грузом вертеться, чтобы что-то не свалилось и чтобы не пришлось потом все это сооружение заново пристраивать. Я и без того с трудом создал эту неустойчивую горную вершину, достающую мне до носа. Ветер и спиной, без разглядывания облаков, чувствовался по вибрации корпуса тяжелой военно-транспортной машины.

На вертолетах я за год службы в спецназе налетался вдовосталь. И всегда на военно-транспортных. Ни разу на нормальном пассажирском летать не доводилось. Кто летал, не на службе, конечно, а на гражданке, говорят, что разница такая же, как между люксовым «мерином» и большегрузным «КамАЗом» с переломанными рессорами. В пассажирских нормальные сиденья есть и располагаешься так, что иллюминатор сбоку. Любуйся на здоровье сверху местами, которые пехом уже не один раз протопал... На военно-транспортных же вертолетах сиденья откидные вдоль борта. Именно сиденья, а не кресла и не скамьи. Такие же почти, как в вагонах поездов. Неудобные, часто слегка, но не до конца сломанные и стоящие не параллельно полу, отчего при легком крене машины тебя сбрасывает, как из кузова самосвала, вместе с рюкзаком, и ты стараешься удержаться сам и рюкзак и все, что на него наложено, удержать, но это не всегда и не всем удается...

А вертолет болтало все сильнее и сильнее. В без того полу-

темном салоне совсем стемнело. Похоже, за иллюминаторами тучи густые и мрачные собрались, и мы, уподобляясь воздушному танку, тараним их. Впрочем, тучи для нас неожиданностью не были. Нас предупреждали, что можем и не вылететь, потому что впереди грозовой фронт. Чего-то ждали, потом вылетели. И кажется, туда и угодили, куда пилоты угодить опасались.

Потом вертолет ниже опустился, покинул зону облачности, и снова стало светлее, хотя и не намного, потому что под тучами быть светло, как под солнцем, не может. Но в горах вообще летать среди облаков рискованно – мало ли где на вершину нарваться можешь. Но и внизу летать не легче. Конечно, опасений, что могут сбить, практически нет... Не те уже времена, и бандиты не те, и вооружение у них уже не такое, чтобы каждую машину сбивать... Но тяжелому вертолету вертеться, пролетая где-нибудь над дном ущелья, уворачиваясь от стремящихся навстречу скал, неподручно. Как все тяжелое, большегрузный вертолет малоповоротлив, и вопрос упирается вовсе не в реакцию пилотов, на которую приходилось полагаться всегда, при каждом полете...

Несколько раз неуверенно мигнув, все же зажглись дополнительные лампочки в потолочной консоли, создавая ощущение вечернего времени суток, до которого вообще-то было еще немало часов.

С появлением света в салоне я в который уже раз развернул лист бумаги, что держал в кармане под рукой. Радио-

грамма предназначалась командиру нашего батальона, была заверена лечащим врачом и военкомом района, и, в дополнение, старшим смены телеграфистов городского почтамта, но рукой радиста записанную копию переслали мне, и на этом же листе был записан приказ командиру нашей роты отправить меня в батальон с ближайшим транспортом. Отпуск в таких ситуациях, как у меня, обычно предоставляется без сомнений – мама в тяжелом состоянии, предстоит проведение операции по удалению опухоли. Болезнь своим названием говорит, что задерживать такого отпускника нельзя, – рак желудка. Для всех отпуск – в радость, но может ли быть кому-то в радость такой отпуск, как у меня, я сомневаюсь... Какими бы сложными ни были наши с мамой взаимоотношения, но мы, каждый по-своему, всегда желали друг другу только добра и друг друга любили...

Два дня я был в натуральном смысле как на иголках. Ни спать, ни сидеть, ни ходить нормально не мог, пока слегка не свыкся со своими мыслями. Со всем, оказывается, можно свыкнуться, и все можно пережить. Можно свыкнуться даже с тем, что мама обречена – по крайней мере, таковым было мое понимание рака как болезни. Но странно было свыкнуться, пока мама была еще жива, странно было считать ее уже не живой, когда она там все еще страдает и ждет меня как свое утешение, как какую-то надежду... Надежда в каждом человека жива до последнего момента жизни, и все умирающие надеются, что чудо произойдет и они станут здоро-

выми. И мама наверняка надеется... И ждет толчка, который направит ее на выздоровление, считая, что этим толчком может стать приезд сына... Пусть ненадолго... Главное, толчок дать... И я стремился дать этот толчок, понимая в глубине души тщетность этих надежд и коря себя, что думаю о матери, как об умершей в то время, пока она еще жива...

Первый ближайший транспорт выпал только на четвертый день ожидания, когда вертолет привез взвод на ротацию и забрал взвод, который находился на перевале уже два месяца. Транспорт именно выпал, потому что ждали его еще через два дня, но из-за погодных условий, которые в горах всегда считаются важным фактором, расписание изменили.

Мы вообще окопались здесь, на месте, силами четырех взводов своей большой роты, основательно и плотно держали этот перевал, через который шли несколько троп в Грузию и через который трижды уже пытались прорваться небольшие недобитые банды боевиков. За спиной у нас только пограничники в долине. Но там посты жидкие, граница контролируется нарядами, которые не слишком часто проходят по одному участку, и перейти границу небольшой группой, выбрав удачный момент, можно без проблем и без выстрелов. А если группа большая и сильная, пусть и заметная, пограничный наряд из двух-трех человек тем более ее задержать не сможет, только сами парни головы в зеленых фуражках сложат. И мы сидим на перевале, чтобы к границе никого не подпустить. Два взвода нашей же роты были постоянно

в резерве и меняли то одних, то других. Я за полтора месяца службы здесь перевал еще не покидал, и еще бы две недели не покинул, если бы не радиограмма...

Но лучше бы ее не было...

Вертолет за нами был не только на нас нацелен, но выполнял одновременно еще и попутный рейс в отдаленное, стоящее на самой границе, дагестанское село и в расположенный там же погранотряд. Мы были последними, кого вертолет забрал. Так было каждую смену, и совмещение армейских, пограничных и гражданских интересов никого не удивляло, поскольку в труднодоступной горной зоне подобное является естественным и привычным явлением. И помимо нашего сменного взвода в вертолете оказались три офицера-пограничника, двое караульных солдат-пограничников с тремя задержанными контрабандистами в наручниках, а один из офицеров был с беременной женой, мелкой и худосочной скрюченной женщиной, с животом чуть ли не больше, чем она сама. Попутно захватили двух местных жителей из приграничного села и какого-то средних лет священника, несуразно высокого и узкоплечего, бесконечно теребящего жидкую бородку и что-то шепчущего себе под нос, изображая кротость и смирение, хотя глаза священника были откровенно козлячьими и глумливыми, совсем не соответствующими тому, что он так старательно изображал...

Если где-то и гроыхала гроза, то нам в вертолете слышно ее не было. Нам друг друга-то слышно не было, потому что военно-транспортный вертолет, кажется, и состоит из одного шума. То есть существует, конечно, еще и двигатель, который этот шум производит, и все... А вся обшивка тяжелой машины в счет как-то не берется и всерьез не воспринимается, потому что она не только не спасает от шума, но, напротив, сама шумит и дребезжит. Помню, когда нас на перевал доставляли, младший сержант Мишка Плотников ковырнул пальцем обшивку, и в руках у него осталась заклепка – из стены вытащил. Мишка даже маленькую дырку показал, в которую ему видно было небо. Правда, потом в эту дырку сильно дуло, причем целенаправленно ему в затылок... И сколько Мишка ни пытался заклепку на место вставить, она вываливалась. Так и летели, а Мишка потом жаловался, что ему чуть голову ветром не снесло, оттого и голова потом сутки болела...

Но сейчас мне шум был только на руку. В нашем взводе все знали о радиогамме и не доставали с разговорами, понимали, что для меня постороннее любопытство болезненно. А в чужом взводе у многих интерес появлялся, по какой причине я с ними улетаю. Но вертолет хорошо и умно шумел и не позволял разговаривать... Правда, еще перед вылетом,

когда вертолета на площадке ждали, спрашивали... Я отвечал коротко, что лечу в отпуск. Без объяснений, хотя такой отпуск никому не был понятен...

* * *

Ты, мама, никогда не понимала меня... Еще с детства...

И я, наверное, тоже никогда не понимал тебя до конца, но разница между нами была в том, что ты понять меня и не стремилась, а я, наоборот, стремился понять, потому что это стремление обещало мне возможность не защиты, а просто удачной адаптации в общении с тобой. Ты же тоже справедливо считала, что я должен к тебе всегда и постоянно пристраиваться, к твоему поведению, к твоему образу мыслей и не смел выходить за те рамки, в которых ты меня старалась держать. Грубо говоря, так собак держат на строгом ошейнике, чтобы были послушными и не позволяли себе лишнего. Только собаки, когда от строгого ошейника избавляются, все же ищут выход для своей энергии... Иногда делают это незаметно, но все равно делают по-своему... Ты хотела сделать из меня подобие дисциплинированной собаки, не понимая при этом собачьей психологии. Помнишь, как ты водила меня в музыкальную школу, чтобы сделать из меня скрипача? У тебя тогда завелся друг, музыкант и пьяница, и он сказал тебе, что скрипач среди музыкантов – всегда значимая величина. И еще этот музыкант спьяну сказал тебе, что

у меня великолепный музыкальный слух, хотя мне казалось, что у него у самого со слухом, мягко говоря, не совсем хорошо, несмотря на то что он музыкант... По крайней мере, даже я слышал, что он неправильно поет, когда пытался что-то изобразить за столом под гитару. Но на тебя эти его неосторожные слова впечатление произвели. И ты решила, что я должен стать скрипачом...

Для меня же это было кошмаром... Я до сих пор с зубной болью вспоминаю все эти уроки музыки. Три года издевательств над ребенком. И еще помню, что ты тогда не разрешала мне играть во дворе в футбол с мальчишками, чтобы я пальцы не повредил. Ты однажды видела, как я стоял в воротах и ловил сильно летящий мяч. Я не смог его поймать и отбил ладонями... Ты испугалась за мои пальцы. Что за скрипач будет со сломанными пальцами? И ты запретила мне играть в футбол. Не только в воротах стоять, но вообще запретила, потому что не видела разницы между нападающим и вратарем, и до сих пор, наверное, не знаешь, кто из них играет руками, а кто ногами. А надо мной во дворе друзья смеялись из-за того, что я тебя слушаюсь. Но попробовали бы они сами такую маму не послушаться. Тогда, уверен, перестали бы смеяться. Кто-то, может быть, и заплакал бы... А я плакать уже не умел, я только губы сжимал так, что челюсти сводило. Я даже тогда не плакал, когда мальчишки по моей просьбе били мне по пальцам каблуком, чтобы я не ходил больше в музыкальную школу... Это было как раз неза-

долго до экзаменов... Тебе я, конечно, сказал, что просто споткнулся и упал. В результате сразу два пальца сломаны... Ты, слава богу, не кричала на меня. Ты испугалась... Потом ты пошла к директору музыкальной школы, чтобы хоть как-то договориться о переносе экзамена по специальности. Там тебе сказали, чтобы ты сильно не волновалась и не суетилась, не выдумывала несуществующую трагедию, потому что для скрипача у меня со слухом не совсем хорошо – скрипачу слух нужен абсолютный, которым меня Бог не наградил, и я в лучшем случае, если не буду лениться, могу стать не музыкантом, но просто музыкально образованным человеком, и ты слегка успокоилась... Со своим музыкальным пьяницей ты уже рассталась, и некому было дать тебе авторитетную подсказку. А музыкально образованный человек... Такой статус сына тебя не так чтобы полностью, но тоже не совсем устраивал... И ты решила, что тратить время на «просто музыкально образованного человека» не стоит, потому что ты всегда и сама хотела быть исключительной и единственной, и меня всегда желала видеть именно таким...

Но ты до сих пор не знаешь, как я тогда сломал пальцы... И хорошо, что не знаешь... Это сильно расстроило бы тебя. Думаю, это было бы в состоянии расстроить тебя даже сейчас. Это бы по твоему самолюбию ударило болезненно, а твое самолюбие – это твое самое слабое место. Но я не скажу. Я никогда тебе не скажу этого, потому что не желаю причинять тебе боль, не желаю расстраивать тебя. А сейчас уж те-

бе тем более никак нельзя волноваться и расстраиваться, это понимаю даже я, человек, старательно убегающий от врачей даже во время болезни и так мало смыслящий в медицине вообще...

Это, если ты в состоянии, мама, понять такое, тоже результат твоего воспитания. Это ты любила ходить по врачам и меня таскала к ним после первого же чиха. Вот потому, став взрослым, я только по критической необходимости к врачам обращаюсь. И если болезни появляются, я их всегда на ногах переносу, потому что врачи говорят всегда так же категорично, как и ты, и так же бывают почти всегда неправы. Очень категорично говорил о моем врожденном пороке сердца врач, которого ты нашла через своих знакомых. И предлагал провести немедленное зондирование. Мне должны были вскрыть вену в бедре, ввести зонд, который должен дойти до сердца, а потом показать результат. Может, все было не совсем так, как я помню, но времени прошло уже много, а было это, когда я в шестой класс перешел. Но это, в любом случае, была операция. И врач категорически на ней настаивал. И хорошо, что к тебе вечером соседка зашла... Она посоветовала к другому врачу сходить. Ты меня повела. Другой врач вообще порока не нашел, хотя так же категорично сказал, что шумы в сердце есть, но они есть у любого подростка, потому что организм растет, развивается, и шумы при этом могут говорить о неравномерности роста, скажем, костяка, внутренних органов организма и мышечной массы.

И посоветовал спортом заниматься...

Это было как раз тогда, когда закончилась моя эпопея с карьерой скрипача. И такой совет очень даже отвечал твоим желаниям. Тебе все же по-прежнему хотелось сделать меня знаменитостью... И ты, никогда спортом не интересовавшаяся, сначала хотела отвести меня в футбольную спортивную школу, потому что кроме футбола и фигурного катания не знала, наверное, ни одного вида спорта. Фигурным катанием твоя младшая сестра занималась, что-то там застудила себе на льду и потом многие года мучилась от разных болезней. Это был опыт, который ты учла, и фигуристом меня сделать не пожелала. Выбрала футбол... Потом кто-то сказал тебе, что в нашем городе даже серьезной футбольной команды нет, есть только хоккейная, зенит славы которой уже прошел, и ты стала узнавать, где в нашем городе «делают» знаменитых спортсменов. Оказалось, у нас была чуть ли не лучшая в стране школа дзюдо... И тогда ты отвела меня туда...

За это тебе, мама, спасибо большое. Знаменитостью я и здесь не стал, у меня даже стремления к этому не было, хотя по характеру был упорным и терпеливым человеком и умел двигаться к цели, но стал хотя бы мастером спорта, физически крепким парнем, умеющим и за себя постоять, и за других, если в этом случается необходимость... И характер у меня воспитался в дополнение к тому, что я сам в себе воспитывал в противовес твоему воспитанию. И именно это сыг-

рало важную роль, когда я захотел попасть в спецназ ГРУ... А вот что я попаду в спецназ ГРУ, ты, конечно, никак не рассчитывала. Ты хотела видеть меня раз уж не музыкантом или спортсменом, то хотя бы экономистом. И заставила меня поступить в университет на экономический факультет. Но я, став к тому времени уже почти взрослым и научившись внешне слушаться тебя, но поступать по-своему, не хотел быть экономистом. Мне совсем неинтересны были финансы и все, что с ними связано. Карьера банкира меня совершенно не интересовала...

И я поступил по-своему...

Не спросив твоего согласия, чем, конечно, доставил тебе боль...

* * *

Кажется, в небе начались неполадки...

Вертолет снижался все сильнее, а в салоне становилось все темнее, потому что слабые потолочные лампы осветить весь салон были не в состоянии. Они и не предназначались для того, чтобы пассажиры могли читать во время полета.

Разговоров слышно не было, но ощущение при этом было такое, словно обеспокоенный ропот пробился через шум двигателя. И я тоже почувствовал себя неуютно. Потом торопливо прошел в хвостовую часть, к самым выдвижным грузовым дверям, один из членов экипажа. В руках какой-то

прибор нес, а на голове у него светился налобный светодиодный фонарик. Назад, в кабину пилотов, вернулся почти бегом...

За ним к кабине пилотов пошел и старший лейтенант Воронцов, командир смененного с перевала взвода, – тоже пожелал выяснить обстановку. И выглядел старший лейтенант слегка обеспокоенным и сосредоточенным. Впрочем, у него, насколько я помню, всегда такой вид, и это мало о чем говорит. За старшим лейтенантом поднялся, перекрестился и двинулся туда же высокий священник с козлячьими глазами. За священником, обменявшись несколькими фразами с сослуживцами, пошел к пилотам и тот из офицеров-погранцов, что вез беременную жену.

Мы все следили за этими перемещениями внимательно и настороженно. Настороженность уже в воздухе внутри вертолета повисла и была тугой и тяжелой, ощутимой...

Я тоже беспокоился, хотя и не слишком. Наверное, у меня мысли были другим заняты, и потому я не боялся грозы, что громыхала где-то рядом. Но все же следил глазами за происходящим, как следил бы любой другой на моем месте...

* * *

Ты, мама, всегда хотела все обо мне знать. Ты мне постоянно говорила, что все должна обо мне знать, и устраивала мне порой настоящие допросы. И не понимала, как это

глупо. Я же, мне кажется, никогда глупцом не был. Даже в детстве. Еще до школы, помню, я уже научился угадывать, что понравится тебе, а что не понравится, и учился говорить только то, что ты хотела бы услышать. Удивляюсь, почему я не вырос лицемером при такой жизни. Не вырос, и хорошо. Я вырос спецназовцем... Я не случайно попал в спецназ, открыто выступив против твоей воли, но теперь думаю, что буду и в военное училище поступать. Я хочу стать офицером спецназа ГРУ. Даже в том случае, если ты, мама, будешь против... Особенно в том случае, мама, если ты будешь против...

Помнится, ты меня порой в слабоумии обвиняла, когда отца моего вспоминала и всю мою родню по отцу... Кажется, у отца была слабоумная с маминой точки зрения сестра. Это было тогда, когда я выслушивал твои требовательные и грозные наставления, а делал все по-своему. И это проявлялось даже в мелочах. Ты видела основой моих поступков только одну причину – слабоумие, и не понимала, что это естественное мое желание быть не продолжением тебя, а только самим собой. Даже началом самого себя, потому что полностью быть самим собой я, естественно, тогда еще не мог...

Я сам удивляюсь, как я умудрился все же стать самим собой. Скрытным – да. Малообщительным – да. Но самим собой... И во мне переплелось одновременно и умение выслушивать приказы, и умение действовать самостоятельно, когда это становилось необходимым. А что лучше придумаешь

для солдата спецназа...

Так, мама, во многом благодаря тебе я стал хорошим спецназовцем. Командиры говорят, что я хороший солдат, и, помнится, тебе даже благодарность по этому поводу послали...

Боюсь только, что тебя эти благодарности расстраивали, а не вызывали в тебе гордость за сына. Это было бы вполне в твоём характере...

2. Святой Валентин, авторитетный кидала

Грешен я, грешен, и прекрасно это осознаю...

А разве не все, мать вашу, грешны? Давайте не будем спорить... Все, потому что мне знать лучше многих, кто якобы чистотой своей гордится... Ибо: «Вот я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать...»² И это ко всем относится. А Псалтирь цитирую я, кажется, правильно. У меня с детства память была близка к гениальной, только в детстве я не знал этого и считал сглу́па, что так и должно быть, что так у всех есть. Никто мне вовремя не подсказал, иначе вся моя жизнь могла бы сложиться по-другому. Жалко, конечно, что я в детстве своей памятью не пользовался, а надо бы было пользоваться по полной программе. Но я позже пользоваться начал... И неплохо начал... А что греха касаясь, то

² «Псалтирь», пятидесятый псалом Давида.

покажите мне человека, который первым бросит в меня камень, ибо сам безгрешен... Правда, это уже из другой оперы... Тем не менее, я этому человеку с удовольствием накачу промеж честных глаз так, чтобы он, мать вашу, перманентно косить из стороны в сторону начал, и на себя самого уже другим взглядом в зеркало смотрел. Могу даже с великим удовольствием крестом накатить, что у меня на груди сейчас висит. Впрочем, у меня кулак тяжелее, хотя сам я пусть и высок ростом, но внешне крепышом не выгляжу...

– Что, отец Валентин, молиться будете? – недобро и с непонятным укором, словно это я был виноват в неполадках вертолета, которые я почувствовал уже по одному только общему поведению, спросил меня капитан-пограничник. Есть такие люди, которые всегда стремятся найти виновных в тех, кто рядом с ними в сомнительный момент находятся. И выбирают обычно себе жертву из тех, что ответить крепко не может. Но это уже комплимент мне. Значит, я хорошо лицедействую, если во мне кроткое существо видят, хотя кротким нравом я никогда, даже в трудные и скучные для меня годы семинарского обучения, не отличался.

Мы с этим капитаном, кажется, его фамилия Павловский, познакомились в погранотряде, когда я получал конфискованные у контрабандистов иконы. Непонятный какой-то смурной мужик, недобрый и чем-то всерьез озабоченный. У жены роды предстоят тяжелые, и потому ее требовалось отправить в город, где врачи-специалисты есть, а он с ней

обходится как с нарушителем границы. Если и разговаривает, то короткими фразами из разряда «да-нет». А женщина, похоже, еле живая, все время за живот держится, будто боится плод ненароком выронить... В пограничной санчасти гинеколога вообще никогда не держали, там всем заправлял молодой лейтенантик-терапевт, только что прибывший после окончания военного медицинского института, а в дагестанском соседнем большом селе вообще только полуграмотный немолодой фельдшер, плохо разговаривающий по-русски и медицинские понятия черпавший в молодости из подробной инструкции по эксплуатации колесного трактора. Диплом медицинского колледжа он, скорее всего, где-то купил. В Москве такие дипломы можно прямо в метро заказать, и через час он будет на руках... Слышал я, что там же ненамного дороже стоит звание академика или должность профессора...

– Я помолюсь... – сказал я громко и твердо, чтобы и сквозь шум винтов слышны были слова. – Кто надежду и потребность чувствует, тоже помолится... Кто грехи свои помнит и чувствует... Всем нам по грехам нашим дается испытаний в жизни, и это испытание тоже...

И смиренно опустил свои несмиренные глаза.

– Долетим... Не впервой... – сказал старший лейтенант из спецназа ГРУ. Этот был вообще какой-то неприлично спокойный парень, которого, кажется, трудно было бы смутить даже нацеленной на вертолет ракетой. – Мы однажды на про-

стреленном двигателе полтораста километров тянули. А сейчас просто обойдут грозовой фронт стороной, и все.

– На такой машине только над дном ущелья и летать... – проворчал капитан. – Первое же дерево нашим будет...

– Мы на вертолете, а не на «Жигулях», – заметил старлей. – Выше поднимемся...

– Что там у них за неполадки? – вроде бы между делом спросил я, никак не показывая волнения.

Впрочем, особо я и не волновался, полагаясь на свою обычную удачливость.

– С электропроводкой что-то. Датчик показывает то, чего нет. С датчиками это бывает. Особенно в грозу... – пожал плечами старлей.

И прошел мимо нас в пассажирский отсек. Вообще-то это был, наверное, и не пассажирский, а грузовой отсек, судя по одинарной обшивке корпуса, но, поскольку груз из вертолета выгрузили в погранотряде, а загрузили в отсек только людей, нас то есть, в дополнение к тем, которых потом высадили на перевале, но взамен высаженных взяли новых, отсек превратился в пассажирский. А я значился там пассажиром... Среди других... И даже своеобразную регистрацию прошел у второго пилота, который проверил мои документы. Не паспорт, а только доверенность на получение и перевозку упакованного груза...

Попал я в эту ситуацию, можно сказать, случайно и по собственной глупости, потому что иначе чем глупостью желание делать то, что не в состоянии сделать другие, назвать нельзя. Не могут, ну, и не надо. А тут выпендриться, матерь вашу, хочется – желание славы грызет и гложет. Я могу то, что вы не можете. Хотя есть, наверное, и иные, кто может, но просто их в нужный момент в нужном месте не оказалось. А среди тех, кто оказался, я был единственным и неповторимым, каким всегда имею стремление быть...

Сейчас, когда я в рясе, я вполне откровенно могу сказать, что это и есть чистейшей воды гордыня, достойная осуждения и искоренения. Но если я есть такой, если мне нравится быть таким и я всегда стремлюсь подтвердить мнение о себе, то возражать против такой манеры поведения, пожалуй, и не буду. Да, гордыня во мне живет и хорошо питается, и никогда, насколько я помню, не икает... А в рясе я хожу в последние годы не так и часто...

В тот раз меня пригласили в хорошую компанию побаловаться картами. Вообще-то меня туда обычно не приглашали, потому что сам я из другой компании, рангом, грубо говоря, повыше и играющей по-другому, но выдалась *случайная* встреча:

– Святой! Ты здесь откуда... – словно бы я из подполья

вылез, и никто меня уже пару столетий не видел, и словно бы никто не говорил о том, что я в городе.

– Отдыхаю, мать вашу...

Дальше, как полагается, полился случайный разговор, который, естественно, начинался с вещей вообще посторонних, но был так ловко построен, что невольно пришлось вспомнить несколько моих нашумевших выигрышей, особенно тот, когда я выиграл в покер у заместителя начальника областного управления ФСБ машину вместе с гаражом. Его королевский покер нарвался на мой тузовый покер. Причем об этом случае – строго в контексте разговора – мне пришлось вспомнить, самому... Но я этого полковника тогда так ловко своим смиренным сомнением завел... Сумел уверить его, что я блефую. И моя ряса его смутила, и мои бесконечные цитаты из Писания, всегда выложенные к месту, и не исковерканные, как их обычно коверкают... Священник коверкать не будет, а я умею быть почти настоящим священником. Впрочем, об этом случае все сведущие люди знают и мою профессиональную наглость оценивают по заслугам. А разве не заслуга это – сдать полковнику королевский покер, а себе сдать тузовый. И тот и другой по отдельности, как мне сказал на следующий день сам полковник, заложивший расчеты в компьютер, встречаются один раз в шестнадцать тысяч лет, если играть ежедневно по восемь часов и проигрывать при этом поочередно все покерные ситуации. А тут сразу два покера, и каких!

Так вот зашел конкретный разговор о картах, об играющих людях, что в настоящее время в городе осели, но не входят при этом в круг моих компаньонов, поскольку не имеют соответствующей квалификации и не ходят, естественно, в казино. Так и состоялось приглашение...

Я приглашение принял охотно и с улыбкой, хотя ситуацию просчитал достаточно легко, и сразу стал думать, где у меня пересеклись пути с кем-то из этой компании. Это на случай серьезных разборок. Ничего не нашел. Просчитал еще трижды, и снова без результата. Я вообще *со своими* человек неконфликтный и потому не позволяю себе лишнего никогда. Предел то есть чувствую, так же как и беспредел, и «понятия» всегда уважаю... Задуматься было над чем... Играли они без меня и спокойно могли бы играть дальше. Но захотелось со мной встретиться. Что еще от меня надо, если подыскали такой удачный повод и даже не поленились подготовиться? Ответ сам собой напросился – есть интересное, какое-то замысловатое дело и меня позовут в долю. Причем в дело, где без меня обойтись не могут, иначе не звали бы. В городе есть несколько «кидал» достаточно хорошего уровня. Не моего, конечно, но тоже профессионального. Но позвали меня, зная, сколько может стоить такое приглашение. Следовательно, мне отведена роль главная и платить мне будут хорошо, а я пока по мелочи в последнее время промышлял – картишками и обдумывал между тем свою давнишнюю идею – какую секту мне создать, чтобы она выглядела убедитель-

ной для людей верующих и была бы при этом в состоянии обеспечить мне приличное и даже, как желательный вариант, безбедное существование. Я уже давно мечтал о чем-то подобном. Зря, что ли, два года своей молодой жизни потратил на учебу в семинарии. Но в моем понятии экономический эффект должен быть не меньшим, чем от пресловутого «МММ», иначе не стоит связываться. Не люблю мелочиться... Но чтобы начать работать по-крупному и не растягивать тягомотину на оставшиеся до конца света века, нужны сразу же весьма немелкие капиталовложения. А средств у меня пока не хватало. Следовало найти приработок. И вот приработок сам пришел, хотя я даже не молился о помощи свыше...

Человеку не дано знать все. И потому, просто на всякий случай, подстраховку из пары толковых парней, готовых к любому повороту событий, как большинство из нынешних молодых, я выставил и, еще раз просчитав возможные варианты, успокоился и пошел в гости с чистой совестью...

Была, естественно, игра, и я даже выигрывал почему-то неприлично явно. Настолько явно, что не мог не заметить необоснованный риск своих партнеров. Потом прозвучал звонок в дверь, и я понял, что процесс пошел... Нормальный процесс, разработанный и продуманный настолько, что я сразу просчитал – коллега-«кидала» среди них тоже есть, и именно он всю «многоходовку» подступа ко мне тщательно продумывал...

Обществу принесли весть... И выкладывать ее стали почему-то при мне. Это был вообще-то прокол, и я не одобрил план. Такой план мог прокатить с каким-нибудь лохом... Даже с начальником ментовки любого уровня, но не с другим «кидалой», уровнем повыше... Я понял, что информацию под меня «гонят», и постучал по столу, привлекая общее внимание.

– Что ты? – меня спросили словно бы мимоходом. Они еще из игры не вышли. Вышли из карточной, но не вышли из своей большой, главной...

– Внимания аудитории прошу...

Все смотрели на меня молча.

– Баловаться перестанем. Меня пригласили для дела, так давайте о делах и без лирики...

Они переглянулись, кивнули друг другу и вернулись за стол.

– Приятно иметь дело с профессионалом. Когда просчитал?

– Когда пригласили. Сразу... Посреди улицы.

– Тогда мог бы нас и не обыгрывать... – последовал кивок на стол.

– Подтверждение запоздало... – показал я на последнего пришедшего. – Выкладывайте.

– Так ты согласен?

– Как я могу быть согласным, если не знаю, о чем речь. Но если я выслушиваю подробности, я обычно соглашаюсь.

– Святой нужен... Святой отец... Ты же – Святой...

Кличку я получил после первой «ходки»... Иной клички и быть не могло для бывшего студента семинарии и вообще грамотного в вопросах веры человека.

– Не очень понял... – сразу решил я преподать урок. – Я скорее подумал бы, что вам нужен священник. Священник – это вовсе не святой. Он может стать святым, но для этого нужно им стать... Хотя бы таким, как я... Так что, священник нужен?

– Нужен. И даже желательно, чтобы он носил твое имя, потому что документы выписаны на отца Валентина. И не покровителя влюбленных...

– Я тоже влюбленным не покровительствую, – решил я преподать еще один урок. Люблю, признаюсь, эрудицию показать. – И вообще не было в истории такого покровителя влюбленных, а вся эта чехарда с праздником – работа крупных американских, а потом и европейских «кидал»... Большая афера, которая уже много лет работает...

– Ты о чем? – переспросили меня.

– Я о том, что было всего два святых Валентина, но ни один из них не совершал того, что приписывают покровителю влюбленных. Просто дельцы, выпускающие сувенирчики, открытки и всякую подобную дрянь, раскрутили праздник, который сами придумали. А народ – быдло... Ему лишь бы что-то попраздновать. Народ в очередной раз по всему свету «кинули», заставили раскошелиться, а он и рад... Учитесь

деньги делать.

– Умно... И с Уголовным кодексом к ним не придерешься.

Но, может быть, к нашему делу вернемся...

– Поехали, – согласился я.

– Дело простое. В деревне был старинный действующий храм. Музейный, потому и действующий. Иконы ценные... Особенно одна – шестнадцатый век. Иконы из храма пропали. Сигнализация была включена, церковь была закрыта, а иконы пропали.

– Как? – поинтересовался я.

– Говорят, старый план нашли. Там подземный ход. Остальное – дело техники. Кто хочет, сделает. Вместе с сигнализацией... И сделали...

– Нормально... А кто?

– Чечены. Крутые ребята, но не из боевиков. Может, из «подкормки» боевиков, но не больше. Это тоже серьезно...

– Видали таких... И что?

– Груз – шестнадцать икон, вывозить собирались через Грузию. Пограничники парней тормознули... Трех подстрелили, двоих «повязали», пятеро ушло в горы. А тут к нам информация пришла... Короче, дело сейчас обстоит так. Туда, к пограничникам, поедет священник отец Валентин. Он сам из Москвы. Какой-то чиновник патриархии... Сначала сюда заедет, в нашу область. Ограбленный храм посетит. Ему передадут фотографии всех похищенных икон. Их там, на границе, втрое больше. Из разных мест. Ему выбрать

надо... Заберет иконы, отслужит благодарственный молебен в погранотряде, благословит на защиту рубежей, потом привезет найденные иконы в храм. Остальные передадут патриархии для разбора... Дело обычное... И вот у нас тут появилась, понимаешь, идея... Но без тебя никак...

– Ничего нет проще, – сразу и конкретно согласился я. – Условие одно – никакой «мокрухи»... Отца Валентина придержать до моего возвращения... А я все дела сделаю...

– Все?

– Все.

– А молебен? Справишься?

– До этого справлялся, бывало... – признался я не без гордости, но нарочито мимоходом. Должны знать, что имеют дело с профессионалом, и не сомневаться, если уж в дело втягивают.

– Что, и службы проводил?

– Почему же нет. Все приходилось. Я же отец Валентин...

– Не смущает, что ехать придется в Чечню? На границе с Дагестаном и Грузией...

– Там что, погода скверная? – прервал я пустословие.

– Тогда говорим об оплате...

– Это обязательно. Этот вопрос меня весьма даже волнует.

Я хочу пятьдесят процентов от общей стоимости...

У них челюсти отвисли, да так и застряли в висячем положении, как ковши мирно дремлющих экскаваторов....

– Борзеешь...

– Нет. Торгуюсь.

– Тогда давай торговаться. Больше десяти процентов ты не получишь все равно.

– За десять процентов пусть тот лох работает, который продумывал мое приглашение сюда. Может, у него что и получится...

* * *

Вертолет побалтывало так, что зубы, мать их, с неизбежной испанской грустью и страстью изображали собой кастаньеты. Правда, я настоящих кастаньет не слышал, хотя дважды отдыхал в Испании у друзей по «зоне». У них там вполне приличные, по нашим понятиям, и сверхприличные, по понятиям испанским, виллы. Но пока мне было не до этих воспоминаний...

Я вернулся на свое место. Там, на сиденье, вибрация была еще сильнее. И я заметил, как по-разному оценивают ситуацию солдаты. Но вообще-то они спокойно и достойно себя ведут, хотя, конечно, обратили внимание на некоторую суету своих командиров и экипажа, да и то, что вертолет совершает непонятные маневры, трезвому тоже трудно не заметить. Но страха, а тем более паники, свойственной, как я слышал, хотя сам такого не наблюдал, гражданским лицам, никто не показывает. Паника вообще – вещь страшная. И магнетизм толпы – вещь тоже страшная. Достаточно в толпе одному ис-

пытать панику или восторг, и стоящие рядом тут же заражаются этим и наступает цепная реакция, в результате которой эффект передается на всю толпу. Эту особенность толпы прекрасно знают вожди всех народов, и потому они любили и любят перед толпами выступать, будь то хоть Сталин, хоть Гитлер, хоть Ельцин, хоть кто-то другой. Но солдаты, слава богу, это не толпа. Это организованная группа лиц, передавшая все вопросы управления собой командованию, и потому каждый солдат знает, что решают в самой сложной ситуации не они, а за них, и молчаливо ждут этого решения. Такие организованные группы лиц панике и страху поддаются в последнюю очередь, хотя тоже случается...

У меня страха не было. Не потому, что я сумасшедший психопат. Просто страх обычно не приходит к везучим людям с крепкой психикой, потому что они всегда и в любой ситуации полагаются на свое везение. Конечно, я понимаю, что везение – это в первую очередь только то, что ты сам сумеешь для себя организовать, и только потом стечение обстоятельств и воля Божья. И я всегда старался о себе сам позаботиться и только потом уже полагался на везение и на Бога, если только сильно своими делами не противился его воле. Но сейчас такая ситуация, что от меня практически ничего не зависит. Значит, остается только на Бога и надеяться, хотя в настоящем деле его воле я, наверное, все-таки противился, и весьма активно...

Верующий ли я человек – иногда мне хочется, чтобы меня

так спросили.

Но меня, к сожалению, не спрашивают. А я смог бы ответить и честно, и весьма красиво, потому что сам много раз думал об этом. И во-первых, я должен сказать, что верить в Бога – это значит быть абсолютно уверенным в его существовании. Но ведь и сам дьявол, получается, верит в Бога, потому что он не только верит, но и знает о его существовании. Даже не просто знает, но много с ним общался. Выходит, и дьявол – тоже верующий... Поэтому подобную постановку вопроса я считаю не всегда корректной. Во-вторых, я вижу разницу между верой и выполнением заповедей Божьих... Сорок лет Моисей по велению Бога водил евреев по пустыне. И уж каких только доказательств своего существования Бог не давал скитальцам. Они, безусловно, верили в его силу и могущество. Но вот выполнять заповеди не всегда желали...

И так, по тому же принципу, живет большинство людей на земле, если исключить животное глупых атеистов, потому что загробная жизнь где-то там, впереди, еще и не просматривается, а настоящая жизнь, как всем кажется, здесь и требует приспособления. И все приспособляются с младых лет. И только к старости начинают о Боге думать... Когда вес накопленных грехов становится ощутимым... Но всегда есть искушение оттянуть дело собственного спасения, то есть спасения собственной бессмертной души, до последнего... И большинству времени на покаяние не хватает...

Бог всегда помогает людям. И, как ни странно, я сам на-

блюдал за этим и старался отслеживать факты и ситуации с хроническими везунчиками, чаще всего он помогает грешникам, в надежде, что они раскаются. Безгрешному, если предположить, что такие могут существовать, по большому счету, не в чем каяться. Они живут серо, скучно, и не живут даже, а прозябают... И потому безгрешный всем малоинтересен, в том числе и Богу. Помогать безгрешному – это то же самое, что бороться с человеком, который не сопротивляется. Так обычно делают, насколько я знаю, только менты, которые, если говорить серьезно, более грешны, чем самые закоренелые преступники. Но они, я думаю, без надежды на раскаяние живут, потому что собой довольны и, по природной глупости, думают, что всегда поступают правильно, даже если привычно подличают. Они даже среди грешников считаются тем же, чем дворняжка среди породистых собак. Отбросы человеческого материала... А Бог пытается нас, чистокровных грешников, на путь истины наставить, раз за разом прощая нашу глупость и распущенность и предоставляя нам новый шанс – он в нас верит и на нас надеется...

А совершенно безгрешных, как я всегда говорю, хотя гипотетически предполагаю обратное, не бывает. «Во грехе родила меня мать...» Люди изредка могут считать себя безгрешными, но это лицемерие или простое непонимание греха. В глубине души они тоже должны соображать своей не всегда мозгами наполненной думалкой, что напакостили в жизни так, что через край плещет. За нарушение одной-еди-

ной заповеди нашего праотца Адама справедливо выпнули из Эдема. А сколько заповедей ежечасно нарушаем мы? Недобрая мысль или недоброе слово – грех точно такой же, как грешное дело... А кто не думал плохо? Пусть – не делал, а только думал... Но – плохо... Значит, грешил. Есть, наверное, святые, которые умеют своей мыслью управлять. Меня хоть и прозвали Святым, я за такое не берусь, и потому в грехах сознаюсь и каюсь... Я даже молюсь время от времени, к Богу обращаюсь: «Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое перед очами Твоими сделал...»³ И думаю постоянно, что сейчас, пока я молод, я так живу, а потом раскаюсь окончательно и бесповоротно. Подойдет мое время, когда каяться будет уже впору, тогда и начну каяться, каждый грех, что вспомнится, тремя поясными поклонами отбивая... То есть я делаю так же, как делают все другие, я живу, как живет большинство, и тем существую... А время настанет каяться, потребность в этом появится, тогда и каяться начну... Не «явку с повинной» буду оформлять и не перед властью в погонах руки в истерике ломать, а, как сказано: «Тебе, Тебе единому согрешил я...»

И еще в Писании сказано: «Будьте как дети...» Дети и животные – самые естественные существа. Помню, в детстве у меня кот был. Удивительно красивое и дерзкое рыжее существо. Кот был очень самостоятельным, очень себя уважал и ни одной собаке дорогу уступать не желал. Собаки его чув-

³ «Псалтирь», пятидесятый псалом Давида.

ствовали и стороной обходили. Кот глазами словно бы говорил: «Я живу так, как мне хочется жить...» И я еще в детстве втайне от родителей лелеял мысли, что буду всегда жить так, как мне хочется... Сейчас я, по крайней мере, живу по тому же принципу. И пусть я не рыжий, а чернявый, но котовский принцип во мне всегда сильнее всякого другого...

* * *

Касательно цены, мы сговорились быстро и без взаимных насилований характера и принципов. Насчет пятидесяти процентов я, конечно, сразу загнул, но я же и предупредил, что предлагаю поторговаться. Они ответили аналогичным ходом в десять процентов. Разбег большой, и есть место для творческого подхода или (как сейчас говорят плохо знающие русский язык люди и потому ищущие слова, с которыми они более умными, чем в действительности, покажутся) креатива...

Я сделал деловое предложение по замене меня на лоха, который организовывал мое приглашение. И даже знал, что мне сразу в ответ сообщат. И мне сразу же сообщили:

– Если бы ты натурой брал... Скажем, пару икон... Пусть даже пять штук... И сам бы продал... Со всеми рисками... Это был бы деловой разговор.

– Не возьму... – сказал я. – Профиль не тот. Связей не имею. Засыплюсь, как лох...

– Человека иметь надо, кто сможет. И кто их правильно оценит по западной цене. Грамотный эксперт или даже священник типа тебя.

– Я не берусь... – сознался я, понимая, что в каждом деле должен работать специалист, иначе само дело завалится без оговорок. – Там экспертиза нужна серьезная...

– Тогда должен понимать, что на нас ложится сбыт. Переправка через границу, поиск покупателя, торговля, чтобы не надули крупно... Это и хлопоты, и риск... Двадцать процентов, учитывая твой уровень...

– Если бы деньги сразу, я согласился бы на сорок... То есть вы мне платите, а потом сами реализуете и возмещаете свои затраты. Это логично.

– Еще и нашу организацию дела следует учесть... Мы пока отследили, мы все узнали, мы подготовили план. Тридцать процентов...

– Годится, – согласился я. – Но план я, мать вашу, сам пересматриваю в соответствии со своими вкусами. А они у меня изощренные. Только поэтому от тридцати пяти отказываюсь...

– Нет проблем. Тебе работать, ты планируй.

На том и сговорились...

План я разработал свой, и претворялся он в жизнь под моим непосредственным контролем. Единственная накладка вышла, когда мы встретились с настоящим отцом Валентином. Он оказался низкорослым пожилым толстячком, весь-

ма возмущенным нечестивым поведением человека, который когда-то собирался тоже стать священником. Но после пятичасовой предварительной беседы без перерывов на чаепитие он основательно устал и тогда только стал разговаривать по существу вопроса...

* * *

Офицеры опять о чем-то беседовали, остановившись у дверей пилотской кабины. Только теперь уже все собрались, тогда как в первый раз от пограничников только один капитан присутствовал. Я подошел полюбопытствовать и на ходу почувствовал, как болтает вертолет. Еще недавно ходить можно было нормально. Сейчас прямо мог бы пройти только пьяный, которому болтанка в привычку...

– Что говорят? – поинтересовался я тоном, каким обычно спрашивают о международных событиях у человека, сидящего возле телевизора.

– Говорят, что ниже опускаться нельзя. По дну ущелья ветер с завихрениями, как в аэродинамической трубе... – усмехнулся чему-то старший лейтенант спецназа ГРУ.

– Товарищ капитан... – раздался голос солдата из-за моей спины. Солдат обращался к капитану Павловскому. – Вашей жене плохо...

– Потерпит... – грубо отмахнулся капитан. – Женщины и собаки существа терпеливые...

Я только сейчас заметил в ногах солдат щенка, мирно спящего на полу и не проявляющего совершенно никакого беспокойства... Вообще-то это хороший признак, когда собака беспокойства не проявляет. У собаки инстинкт сильный, она всегда чувствует, что и где грозит неприятностями. В Японии, слышал, собаки даже землетрясения предсказывают... Хотя инстинкт собаки едва ли на вертолет распространяется...

Глава 2

1. Старший лейтенант Александр Воронцов, командир взвода, спецназ ГРУ

Вот еще не хватало бы такого полного, на всех четырех колесах счастья, чтобы до базы не долететь. Лететь-то, по большому счету – вообще ничего. Но проблемы с расстоянием не считаются. Никто не запретит гробануться даже на стометровке.

А что, запросто... Вертолетный парк изношен до хронической дистрофии. Когда по телевизору показывают, как обновляется армия, у меня сразу и всегда вопрос возникает: а это чья армия, в какой стране? Мы пока никакого обновления не видим... Ну разве что новое здание ГРУ построили. Но его сколько строили... Пора было бы и закончить, пока не пришлось из-за ветхости сносить то, что раньше начали. Еще, говорят, спутники, как в советские времена, заработали. Мы в войсках, правда, с этим явлением не сталкивались, но слышали, что в отдельных частях нашего же спецназа испытания проводили, и хочется верить, что это реальность, а не фантазии, и за испытанием последует внедрение

спутникового контроля в повседневность не тогда, когда нынешним лейтенантам пора будет на пенсию выходить... Даст Бог, проверим, и годы нам еще позволяют это сделать. По большому счету, это необходимая вещь. Вот взять бы под спутниковый контроль наш перевал. Хотя бы ради испытаний. Это было бы дело... И все подходы к нему со стороны России. Тогда не пришлось бы здесь постоянно такие силы держать... Наверное, это и дешевле государству обошлось бы. Все равно что-то контролируют. Так контролировали бы все перевалы в Чечне и в Дагестане. Их не так и много. А остальные горы, можно сказать, непроходимы. Для простых смертных, орлиными крыльями не снабженных, непроходимы... Там только альпинисты да скалолазы и проберутся – где ползком, где на четвереньках... Половину личного состава потеряют, но остальные, может быть, доползут. Говоря грубо, это тот же самый прорыв боем напрямую через наши позиции – равнозначная операция. А прорыв может иметь место только, если силы позволяют. Но, чтобы без прорыва в горы пойти, повторяю, следует иметь специальную подготовку и оборудование для, так сказать, покорения вершин...

У меня до планового отпуска две недели осталось. Хотя я не уверен, что точно в отпуск отпустят, даже если комбат вроде бы обещал категорично. Он у нас мужик суровый и надежный, слов произносит мало, но ценит те тяжелые, соответствующие его голосу, что уже произнесены, и если обещает, то, как правило, обещания держит. Когда, конечно, бо-

евая обстановка позволяет, поскольку мы как раз относимся к тем войскам, для которых понятие боевой обстановки уже на протяжении многих лет является повседневностью, и потому загадывать на завтра и строить стопроцентные планы нам часто бывает сложно... Сейчас, вылетая по ротации в расположение батальона, я как раз и опасался, что боевая обстановка может не позволить, а в отпуск поехать мне очень даже нужно... Можно сказать, что необходимо...

Полных данных разведки я, в соответствии со своей невысокой должностью, не имел, они частично поступили только к командиру роты, а он нас, командиров взводов, просто поставил в известность, что несколько отдельных джамаатов⁴ боевиков во главе с хитрым и опытным эмиром Геримханом Биболатовым намереваются объединиться в крупный отряд, чтобы в недалеком будущем с боем прорваться через охраняемый нами перевал и выйти к грузинской границе, а потом добраться до мест, где они привыкли зимовать в чечен-

⁴ Джамаат – боевая единица в незаконных вооруженных формированиях, способная вести самостоятельные боевые действия и включающая в себя специалистов разного профиля – кроме командира (эмира) и его заместителя в джамаат обычно входили снайперы, разведчики, минометчики, минеры, связисты, санинструкторы и проч. Численно, как правило, джамаат приравнивался к общевойсковому отделению, то есть состоял из 10–12 человек. Штатное расписание и инструкции по действиям для отдельных джамаатов были разработаны под руководством Хаттаба, когда стало ясно, что крупными формированиями боевики не в состоянии противостоять федеральным силам. В более широком смысле, джамаат – объединение, связывающее людей одних культурных или религиозных убеждений.

ских селениях, расположенных уже на той стороне. Там их не беспокоят. Сами грузинские пограничники предпочитают в чеченские села не соваться – опасно, да к тому же, слышал я, спокойствие и стоит неплохо.

Не за горами была осень, и сезон активных боевых операций подходил к концу, если можно, конечно, современные мелкие вылазки боевиков считать нормальными боевыми операциями. По большому счету, нормальные боевые операции они проводили только несколько лет назад, а сейчас проводят в основном теракты и занимаются прочими подобными гадостями – где-то в отдаленном селе расправятся с местной администрацией, их открыто не поддерживающей, обстреляют ментовский транспорт или напрямую с каким-то ментом и с его семьей счеты сведут, хотя непонятно, какие счеты могут быть выставлены семье. Это, естественно, боевыми действиями назвать нельзя, и потому это теперь называется своим настоящим именем, которым их действия, впрочем, должны называться даже при более крупном масштабе – бандитизм. Но даже этим они занимаются летом. Зимой нет той привычной боевикам «зеленки», в которую можно уйти после нескольких удачных или неудачных очередей из засады в спину кому-то или выстрела из гранатомета и затеряться там. Но до глубокой осени, когда зима уже пригрозит на плечи сугробом сесть и пора будет торопливо убираться туда, где можно отлежаться, еще все же далеко. При этом бандиты вполне могут предположить, что ближе

к зиме посты будут еще более усилены, и ждать их станут в большей готовности с нацеленными на тропы пулеметами и, естественно, увидят целесообразность совершить прорыв тогда, когда этого еще не ожидают, как их последнего шанса. И потому неизвестно, когда прорыв будет осуществляться и какими силами. Чтобы прорваться через перевал, который мы охраняем, силы нужны все же значительные. И боевики это конечно же знают, поскольку биноклями их Аллах не обидел, и считать они тоже иногда умеют, хотя в школах учились далеко не все. Следовательно, силы временно базирования на перевале им известны. И если появились данные, что они готовятся к прорыву, то их силы должны быть значительно превосходящими наши. По моим прикидкам, боевики должны бы были собрать не менее двух с половиной, а то и трех с половиной сотен, чтобы решиться на такие действия, и при этом рассчитывать на успех, но таким силам взяться просто неоткуда. Нет сейчас в наличии таких банд, которые, даже объединившись, могли бы стать такими значительными. Со всего района наскрести, и то вместе с уголовниками, попавшими в розыск, а таких тоже немало, сотню человек не наскребут. Но, если есть данные разведки, этим данным следует верить и думать о том, что бандиты задумали и каким образом они надеются прорваться. К тому же и я, и командир роты, и другие командиры взводов чувствовали в поведении командования какую-то недосказанность. Так бывает, когда есть подозрения, но подозрения

не обросли конкретикой, и нет на руках фактов, способных натолкнуть на конкретные выводы. Что-то было в ситуации непонятное, но никто не знал, что конкретно...

Я считаюсь в роте одним из старших по возрасту и по опыту офицеров. Старше только сам командир, и всего-то на полтора года. Он у нас недавно. Готовили документы на меня, чтобы назначить на должность, и тогда автоматически стали бы готовить следующие документы – на присвоение очередного звания. А потом где-то в верхах передумали и прислали нам командира роты из другой бригады. А мне рекомендовали подождать следующей вакансии. Чем я не угодил, ума не приложу, но нового командира я, понятно, встретил слегка настороженно, хотя лично на него обиды не имел, потому что представлял себе ситуацию, как меня точно так же вот поставят командовать ротой в другую бригаду или даже просто в другой батальон и там на меня кто-то будет коситься, как на перешедшего не вовремя дорогу, потому что дорога у всех офицеров одна и кто-то кому-то ее часто переходит. А так оно и должно было произойти вскоре, скорее всего, сразу после отпуска, потому что комбат на коротке сообщил мне, что из ГРУ запросили на меня характеристики. Значит, что-то относительно меня все же планируется и мне следует быть готовым к переменам. Кстати, тот же комбат говорил и относительно отпуска – ему сверху рекомендовали отправить меня вовремя. Ладно... Что будет и куда пошлют – дело будущего, а гадание вещь неблагодар-

ная. Главное, чтобы отпуск не задержали... Пока же можно и командиром взвода послужить. И с новым командиром роты... Мужик он неплохой, и жить при нем можно, но – желательно не слишком долго, потому что мне тоже пора уже на следующую ступень шагать...

Естественно, возраст и опыт при нашей службе – синонимы или хотя бы вполне совместимые и вполне заменяемые понятия, потому что опыт, при условии активной, то есть боевой службы приходит с возрастом. И в момент, когда мы не знаем, что предпримут бандиты, но знаем, что они должны и собираются что-то предпринять, комбат может притормозить мое отпускное время. Вернее, он сделает, как делает обычно. Сам ничего решать не будет. Просто скажет:

– Ситуация, Саня, серьезная. А полноценно заменить тебя никто во главе взвода не сможет. Думай сам, как поступить. Бросишь своих парней?..

И эти слова будут равнозначны приказу. Комбат знает как сказать.

Может, конечно, и так статья, что бандиты полезут сразу, вот-вот, как только мы сменились и улетели на отдых. У них, надо полагать, тоже разведка имеется и наблюдатели где-то выставлены. Оценят ситуацию. Воспользуются тем, что новички еще не присмотрелись к своему сектору наблюдения, не контролируют еще все объекты, которые у нас перед глазами стоят, даже когда глаза закроешь, и именно там пойдут. Тогда вместо двухнедельного отдыха взвод уже сегодня же

отправят назад, чтобы подпереть бандитов с тыла. Это естественный ход. Тогда за две оставшиеся до отпуска недели все может закончиться, и я благополучно уложусь в плановые сроки. Не знаю кому как, а мне второй вариант больше нравится. Тогда уж точно есть гарантия, что из отпуска не отзовут и я смогу свои дела спокойно и полноценно сделать. А в том, что бандитов мы сумеем накрыть и не выпустить, лично я не сомневаюсь...

А пока надо благополучно хотя бы до стадиона, превращенного в аэродром, долететь... Но у меня лично опытность пилотов опасения не вызывает. Подумаешь – грозовой фронт. На моей памяти такое случалось несколько раз, кружили, перелетали с курса на курс и все благополучно обходилось. И в этот раз обойдется. Однажды, помню, мы на легком вертолете на рекогносцировку местности вылетали. Искали банду и пути, по которым можно к лагерю подойти. И нарвались на пулеметы. Нам и обшивку прошили, и только чудом никого не задели. И двигатель повредили. Так, на чихающем вертолете, с трудом, но все равно добрались до своих...

А сейчас вертолет даже не чихает. Значит, доберемся...

* * *

– Когда ей рожать? – спросил я капитана Павловского, кивая на его несчастную жену, громко стонущую в левом ряду. Так громко, что даже через шум двигателя ее стоны были

отчетливо слышны. Глупая женщина, отправляясь в дорогу, то есть выставляясь на люди, еще и накрутила, как кукла, чтобы не быть слишком страшной, какой ее природа создала, не понимая, что такой макияж только подчеркивает все ее недостатки. А теперь, в дополнение ко всему, слезы размывли краску на глазах, и стала она еще страшнее, чем была от природы. Баба-яга натуральная, только чуть помоложе сказочной... Но при этом жалость, конечно, вызывала. – Внимание! У кого рюкзаки без жестких вещей, сложите, чтобы кресло получилось...

Это я, уже к своим солдатам обращаясь, добавил. Зашевелились сразу, стали свои рюкзаки прощупывать и складывать, как из кирпичей, удобное мягкое место для женщины. У меня солдаты дисциплинированы, и повторять им команду необходимости обычно не возникает.

– Вообще-то ей еще месяц ходить... – хмуро сказал Павловский. – И не надо было ее устраивать. Посидела бы и так. Ничего с ней не делается... А малыш только крепче будет...

– Чингисхан, я слышал, родился, когда его мать скакала в седле и отстреливалась от врагов из лука. Неплохой вояка получился... – я своей усмешкой то ли поддержал, то ли осудил его. Он не понял это, точно так же, как и я сам не понял, что хотел выразить. Хотя я и не старался голову себе ломать за разрешением ситуации. Их личные взаимоотношения никак не должны касаться меня, мне, дай бог, с собственной бы женой все уладить...

Мы с капитаном Павловским только при посадке познакомились. И я не знал, то ли он по жизни настолько смурной, что свою жену хронически ненавидит, то ли есть какие-то весомые причины, чтобы так себя вести. Но причины могут быть разными и частыми, а вести себя все равно следует по-человечески. Причины всегда внешние, а сущность у человека внутри живет. И надо на свою человеческую сущность ориентироваться, а вовсе не на то, как служба продвигается или на взаимоотношения с командиром, который прикрикнуть любит. Впрочем, я не любитель со своей колокольни в чужую жизнь заглядывать. Пусть сами разбираются. И не судья, чтобы кого-то осуждать, кто не имеет ко мне прямого отношения.

– Из-за нее все... – в сердцах сказал капитан.

– Что? – не понял я.

– Все эти неприятности с вертолетом... Она на себя всегда все неприятности собирает. Характер такой гадкий. Сама все всегда обгадит, и ей ответ приходит. Эта стерва гордится тем, что она стерва... Говорит, такой характер сейчас в большой моде...

– А она знает, что само слово значит? – с усмешкой поинтересовался я.

– Что? – спросил капитан, тоже с русским языком не слишком знакомый.

– Это производное от древнеславянского слова «стерво» – то есть падаль, вонючая туша падшего животного...

– Вот-вот... Похоже... – согласился Павловский. – Мне иногда кажется, что ее слова падалью пахнут. И в душу ей не заглянуть, потому что нет у нее души...

Он, кажется, попытался найти во мне исповедника. Пардон, но это совсем не моя стезя. Для этого есть особая категория людей. Я, если и выслушиваю исповеди, то только от своих солдат, чтобы поддержать их дух. Это моя прямая обязанность как командира, хотя не скажу, чтобы солдаты часто желали исповедоваться.

– По этому вопросу обратитесь к священнику... – кивнул я на священника, смиренно и спокойно сидящего на своем месте. Хотя относительно смирения я, кажется, слегка загнул. Физиономия этого священника совсем не говорит о смирении, хотя опущенные глаза и поза якобы дают право так подумать.

– Я атеист, – всерьез возразил наивный капитан. Давно я уже не слышал серьезных разговоров на эту тему. – Убежденный...

– И глупо... – не стал я вступать в спор и, чтобы прервать последующие попытки, сразу прошел на свое место. Пограничник сидел у противоположного борта, и ему пришлось бы просто кричать, чтобы я его услышал. При крике ворчливые нотки звучат несерьезно, поэтому я понадеялся, что беседа не продолжится.

Пусть капитан со своими коллегами-пограничниками побеседует. Зря, что ли, с нами летят два старших лейтенанта

и один лейтенант пограничной службы.

* * *

Если капитан-пограничник свои семейные проблемы, похоже, решает постоянно, страдает от их нерешенности, но решить до конца пока не может и едва ли когда-нибудь сможет, судя по состоянию его жены, то мне свои семейные проблемы решать еще предстоит. И пусть это звучит банально, но хотя бы первые строчки «Анны Карениной» стоит писать на дверях ЗАГСа,⁵ чтобы люди перед тем, как подать заявление, все же еще раз подумали. Впрочем, и это, наверное, будет бесполезной тратой усилий, потому что люди всегда склонны думать, что нечто плохое происходит только и исключительно с другими, а уж они-то проживут счастливо и благополучно многие годы и ни с какими проблемами не столкнутся.

Столкнутся... Все сталкиваются без исключения...

И слава богу, что моя жена не имеет возможности приехать ко мне в палаточный городок, в котором квартируется наш батальон, и уж тем более на перевал, где палатки и размером поменьше, и вообще могут простреливаться со стороны гор, на которые, правда, еще забраться следует, а это не просто. Но она не приедет, и это я знаю точно. Она нику-

⁵ «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» (Лев Толстой, «Анна Каренина»).

да со мной и за мной ехать не желает, потому что для нее городская толкотня и суета вкупе со стандартным набором удобств в виде душа и унитаза – это смысл жизни, а без этого для нее любая обстановка граничит с тюремной. Женился я на последнем курсе училища, и тогда вроде бы не стоял вопрос о месте проживания. Мы просто как-то старались не говорить на эту тему, мягко обходя свое будущее стороной, вроде бы подразумевая что-то, но не обсуждая детали. А потом меня отправили служить в гарнизон, в небольшой райцентр, и жить пришлось в военной городке неподалеку от этого райцентра. И для женатого лейтенанта даже комната нашлась в панельно-щитовом доме, который зимой следовало утром и вечером топить углем, похожим на земляную пыль, но это не избавляло дом от холода. Жена держалась два месяца. И все... Она не ругалась, она почти ничего мне не высказывала, разве что удивленные вопросы задавала. А потом она просто уехала, когда я был в командировке, и позвонила только тогда, когда я вернулся. Поставила меня в известность, что в военной городке жить никогда не будет. К тому времени она была уже беременна, и я своего сына сумел увидеть впервые только в отпуске через несколько месяцев. Кажется, через восемь... Естественно, я понимал, что после родов, да еще с новорожденным сыном жена приехать ко мне была не в состоянии. Но могла бы приехать хотя бы через полгода... Обида, конечно, была, но я не такой человек, чтобы показывать свою обиду. У меня иное представле-

ние о достоинстве и мужской чести. И шестой год почти супружеской жизни уже подходит к концу, а я сам себя иногда спрашиваю: что же за человек моя жена и чем так уж плох я сам, что не могу ее удержать, когда другие офицерские жены со своими мужьями удерживаются, несмотря ни на какие бытовые и прочие условия... И кто виноват – я или она? – в том, что совместная жизнь у нас не получается...

Еще я иногда спрашиваю себя более конкретно: а женат ли я вообще после первых нескольких месяцев, может быть, после первого года семейной жизни... И не могу дать на этот вопрос однозначный ответ даже самому себе.

Жену и сына я видел только в отпуске. Но всегда высылал им деньги, оставляя себе необходимый минимум на жизнь. Я не алименты платил, я большую часть зарплаты отсылал. Как отсылал бы настоящей жене... А за эти годы я уже как-то постепенно и отвык считать ее настоящей женой. Я не знал, как живет она там, без меня. И она не интересовалась, как я без нее живу... Ни разу не прозвучало ни одного вопроса – значит, ей было все равно. Я ничего не знаю про нее, она ничего не знает про меня. Все прекрасно, мы живые люди, но нормальному живому человеку тоже хочется иметь семью. И мне хотелось бы иметь тот самый банальный очаг, который я защищаю, когда нахожусь на службе. А служба у меня не учебная, а самая что ни на есть боевая, не менее боевая, чем в ракетных войсках стратегического назначения. И даже более... Потому более, что ракетные войска постоянно только

на дежурстве, а мы воюем по-настоящему... Сейчас, конечно, не так, как два года назад, и уже совсем не так, как пять лет назад, но тоже... Я защищал свой очаг. Реальный очаг, а вовсе не гипотетический. И мне хотелось бы иметь нормальную жену, которая ждала бы моего возвращения именно около этого очага. Реальную жену, а не женщину, к которой намереваешься заглянуть по возвращении. А мне все последние годы приходилось обходиться только этим...

Я оттягивал решение семейного вопроса до тех пор, пока не появилась у меня женщина, которая моего возвращения ждала по-настоящему и к которой меня тянуло вернуться... А когда она появилась, более того, когда она сообщила мне, что ждет ребенка, мне уже следовало дело не оттягивать и в первый же отпуск не только договориться с женой, которую я уже стал мысленно считать бывшей, но и оформить все документально. Первым шагом, еще до объяснения, стал финансовый. Если раньше я высылал почти семьдесят пять процентов жалованья, оставляя себе только двадцать пять процентов, то в этот раз я поступил наоборот. И уже здесь, в горах, где нет сотовой связи, получил целых три радиограммы. Все три напоминали о деньгах. Нам шлют, конечно, телеграммы. Но телеграммы, когда приходят в батальон и не застают адресата, переправляются дальше уже по рации, то есть принимают вид радиограмм. И вся эта корреспонденция, естественно, не может миновать узел связи. То, что становится известно радистам из пришедшего открытым тек-

стом и без грифа секретности, дураку понятно, становится известно всем... И даже новый наш командир роты капитан Полуэктов поинтересовался у меня между делом:

– У тебя какие-то финансовые проблемы в семье?

Объяснять я, естественно, не стал. Ответил просто:

– Решаемые...

В самом деле, совсем не командир роты должен решать мои семейные вопросы. Вот потому мне и необходимо было съездить в отпуск, чтобы эти проблемы решить кардинально.

Я не многого хочу. Я просто желаю жить нормальной жизнью – семейной. И для меня это вовсе не выглядит банальным.

* * *

Мне все меньше нравилось поведение вертолета. Не поведение вертолетчиков – экипаж был опытный и вовсе не походил на команду классических самоубийц, но вертолет трясло все сильнее и сильнее, временами истерично сильно, и это понравиться не могло никому. Мы опять начали набирать высоту, что только усиливало тряску и увеличивало вибрации корпуса. Должно быть, ущелье внизу оказалось излишне извилистым для такой неповоротливой машины. Лететь над дном такого ущелья – это все равно, что гонять на большегрузном грузовике по узким улицам исторического центра Москвы. Рисковое даже для опытных вертолетчиков за-

нятие... А летать выше при нынешних погодных условиях занятие рисковое для вертолета...

Но заходить лишний раз в кабину к пилотам и нервировать их в момент напряженной работы, тем более что помочь я ничем не могу, но могу только помешать, я не нашел нужным. И без того мужики в потном напряжении сидят... На них ответственность не только за себя и за машину, на них ответственность еще и за наши жизни...

Как на мне ответственность за солдат моего взвода...

В отсеке, грубо называемом салоном, царил полумрак. За иллюминаторами тучи всей округе радостей жизни не давали, не пропускали ни единого лучика солнца, а тусклые лампочки бортового освещения были не в состоянии осветить весь отсек так, чтобы можно было рассмотреть лица солдат, сидящих от меня вдалеке. Но ближних я все же видел, и уже по этим нескольким лицам был в состоянии определить общее настроение во взводе. Да это настроение нетрудно было и предугадать. Солдаты тоже не слепые и не глухие и видят, что создалась экстремальная ситуация. Но служба в спецназе приучает в экстремальных ситуациях вести себя спокойнее простых людей, нашей обыденной жизни вообще никогда не нюхавших. Для любого человека уличная драка – это или трагедия, или праздник, в зависимости от характера и конечного результата, но всегда происшествие достаточно редкое и экстремальное. У нас занятия по рукопашному бою всегда ведутся в полный контакт. Умеешь бить, умей и терпеть...

То есть экстремальная ситуация для гражданского человека – она у нас явление будничное и входит в расписание занятий. И потому солдаты спецназа готовы к любому повороту событий и умеют себя вести правильно, просчитывая последствия. В самом деле, случись паника, начини они метаться, и вертолет вообще может оказаться неуправляемым. Но они понимают, как мало сейчас зависит от них самих и от их усилий, сидят молча, по сторонам поглядывают, и только глаза выдают легкую обеспокоенность. Так бывает в засаде, когда не знаешь, какие силы противника выйдут на тебя, но тебе любым способом следует перекрыть дорогу и никого не пропустить.

И я старался своим видом вселить в них спокойствие. Солдаты всегда на командира в первую очередь смотрят. Как он себя ведет, так и они будут...

Но капитан Павловский все же не выдержал, пошел-таки к вертолетчикам. Но оглянулся на меня, зная, как обычно нелюбезно относятся вертолетчики ко всем мешающим им работать, и понимая, что, когда двое заходят в кабину, это уже не вызывает такого возмущения. По крайней мере, с двумя офицерами не будут так резко разговаривать, как с одним, принимая его за явного паникера. Но я не пошел. Я сам прекрасно понимаю, как мешал бы мне кто-то во время активной фазы обоюдного боя, задавая вопросы о конечном итоге. Я бы такого любознательного мог в пылу схватки и пристрелить. Тогда Павловский на священника посмотрел.

рел. Но тому, похоже, было не до капитана, потому что священник сидел как раз под одной из немногих лампочек отсека, и это позволяло ему читать какую-то маленькую наладонную книжицу. Думаю, это был не детектив... Я видел такую книжицу у кого-то из своих солдат. Кажется, это был «Псалтирь»...

Павловский скрылся за дверью, а я предпочел с удовольствием дожидаться его возвращения, потому что легко мог представить себе физиономию капитана после услышанных в свой адрес слов. А какими будут слова вертолетчиков, я догадывался. Мы уже заглядывали в эту кабину, чтобы выяснить ситуацию. Выяснили. Что еще надо? Если будут кардинальные изменения, нас не забудут и обязательно что-то сообщат. Может быть, сообщат, когда и куда необходимо будет соломки под тяжелую задницу вертолета подстелить, чтобы мягче падать было...

Но капитан вернулся, к моему удивлению, вовсе не растерянный. Выглянул из дверей с серьезным, я бы так сказал, «рабочим» лицом, посмотрел на меня и сделал приглашающий жест. Поскольку дверь в кабину он не закрыл, намереваясь, кажется, туда вернуться, это следовало понимать как поступление дополнительной информации от пилотов.

Я поспешил на зов...

– Лагерь внизу... – прокричал капитан Павловский из междверного тамбура даже громче, чем того требовала шумовая обстановка полета.

– Какой лагерь? – не сразу понял я, но, задав вопрос, уже догадался, что никакого иного лагеря, кроме лагеря готовящихся к прорыву боевиков, здесь быть не может, того самого лагеря, о вероятном существовании которого нам уже докладывала разведка, и, отстранив капитана плечом, шагнул в кабину первым. Павловский, несмотря на тесноту, сунулся за мной следом.

Немолодой внешне майор, командир экипажа, коротко глянул на меня, узнал, потому что летал со мной уже трижды, снял с головы второго пилота наушники с микрофоном и протянул мне. Командир не любил кричать, и потому в его спокойствии чувствовалась уверенность. Приятно с такими людьми иметь дело.

Я мигом натянул наушники на голову.

– Твой профиль, старлей... – сказал майор. – Мы только что пролетели над лагерем боевиков. Большой лагерь. Я таких пока не видел.

– Сколько человек? – сразу спросил я.

– Я не разведчик. Навскидку даже приблизительно сказать не могу. Склон лесистый... Мы сначала дымки костров

увидели. Жгут, не стесняются.

– Здесь жилья поблизости нет?

– По карте – ни жилья, ни дорог... Здесь нет даже вертолетной трассы... И мы сюда случайно попали, от грозы спасаясь...

– Значит, дымы увидеть некому.

Я продвинулся дальше, стараясь посмотреть за вертолетный «фонарь».

– Уже пролетели, – пояснил майор.

– Вернуться нельзя? – напрямую спросил я.

– Можно. Есть такая острая необходимость?

– Есть. Мы ждем эту самую, должно быть, банду на перевале. И не знаем ее сил... Надо произвести разведку и доложить координаты. Пусть обработают их «НУРСами»...

– Добро. Видимость там более-менее. Гроза здесь уже погуляла, и воздух чистый. Спустись к штурману.

Я показал на кабель, соединяющий наушники с креслом второго пилота. Командир экипажа сам отсоединил наушники.

– Подключись в кресле штурмана.

До самой нижней наблюдательной точки в пилотской кабине пять ступеней вниз и, согнувшись, два коротких шага вперед. Преодолев их, я чуть не на колени к штурману сел, потому что места внизу было мало – не то что в футбол, в карты не поиграешь. Вертолет тем временем замер на месте и начал плавно разворачиваться. Из кабины штурмана хо-

рошо было видно не только грозовое небо впереди и, после разворота, еще более грозовое небо позади, но и землю под вертолетом. Я даже удивился, в какой опасной близости от склона мы пролетали. Чуть дрогнул рука пилота, держащая рычаг управления, и винт заденет стволы деревьев или скалы. Пилоту нужно очень четко ощущать габариты своей машины...

Штурман меня ждал, и потому сразу подсоединил систему связи.

– Возвращаемся, старлей. Будь внимателен. Пролетим дважды, туда и обратно. Вместе с первым пролетом – это три раза. И постарайся увидеть все. Четвертого раза не будет – опасно, потому что за четвертым обязательно будет пятый, чтобы на курс выйти... И они могут уже подготовиться. У нас днище не бронированное – мы же транспортники, три-четыре пулемета, и с такой короткой дистанции просто перестреляют твоих мальчишек...

А я уже видел впереди на склоне огни трех больших костров, но костров было больше, потому что дальше виднелись косо идущие вдоль склона расширяющиеся столбы дыма – так их ветром заворачивало – воронкой...

Подсчитать столбы дыма... И глянуть хотя бы на один из костров поближе, чтобы приблизительно определить количество людей...

2. Капитан Вадим Павловский, пограничник

Значит, банда есть в действительности, и она нашлась...

Эта весть радовала, она уже несла какую-то определенность в неопределенное положение последней недели, а определенность, даже если она опасная, всегда лучше неопределенности, когда не знаешь в действительности, чего тебе ждать.

О том, что где-то неподалеку бродит большая банда, готовящаяся к прорыву, у нас в погранотряде знали по данным спецназа, занявшего перевал, и по полученным из Москвы сводкам, опять же опирающимся на эти же данные. Спецназ ГРУ предупредил нас, требуя от погранвойск повышенной боевой готовности, – не знаю уж, почему так настойчиво, словно мы их последняя надежда. Приказать разведчики не могли, поскольку мы разные ведомства представляем, но настойчивость проявляли непривычную. Может быть, не надеялись, что смогут перевал удержать, если банда будет очень большая? Или просто боялись, что бандиты пройдут к границе другим путем? Хотя других путей здесь, кажется, нет и не предвидится. Правда, повышенная боевая готовность тем и отличается от полной боевой готовности, что при повышенной не отменяют отпуска и командировки, тогда как при полной боевой уехать со службы можно только в случае

крайней необходимости. Но данные были получены и приняты не просто к сведению, а и к исполнению, поскольку прямой и вполне конкретный, если не сказать, что жесткий приказ из Москвы дублировал рекомендации разведчиков.

И потому я, естественно, как представитель командования погранотряда здесь, на борту, был заинтересован в результатах воздушной разведки не меньше, чем этот старший лейтенант спецназа. Узнать хотя бы приблизительно силы боевиков. Тогда можно было бы основательно подготовиться к встрече и как-то планировать свои действия. Это одинаково относилось и к спецназовцам, и к нам. Причем для нас, если спецназ не сможет удержать перевал, это грозило очевидными трудностями, не знакомыми спецназу, поскольку разница в нашем с ними положении выливается в разницу протяженности охраняемого участка примерно одинаковыми силами. Конечно, не совсем одинаковыми, тем не менее не настолько разнящимися, как разница продолжительности охраняемого участка. У нас своя специфика и свои методы работы. Удержать или даже ликвидировать группу в несколько человек при переходе границы можно, но сложно, и чаще это не удастся, чем удастся. Я не служил во времена Советского Союза, когда вся внешняя граница громадного государства, включая каменистые горы и песчаные дюны и исключая только моря и океаны, была обнесена колючей проволокой в три ряда. Помимо того вся граница была напичкана разного рода сигнализацией, которая сразу давала знать,

если где-то появится с той или с иной стороны предполагаемый нарушитель. Тогда вот перейти границу действительно было почти невозможно. Сейчас не так. Сейчас ни колючей проволоки, ни контрольно-следовой полосы из просеянного мелкого песка. А если бандиты еще и опыт имеют, то это дело практически почти невыполнимое. Это я знаю лучше других. Просто невозможно предугадать, где и каким путем они на другую сторону двинут, потому что проторенными тропами только дурак пойдет, а непроторенных троп столько, что на всей границе людей не хватит, чтобы их только на участке нашего отряда перекрыть. Не будут бандиты торопиться, полежат в кустах, выждут, когда пройдет наряд, и за спиной пограничников перейдут на другую сторону без опасения получить пулю вдогонку. Получить пулю на последнем шаге всегда неприятнее, чем на первом, но эта неприятность, понятное дело, мысленная, опережающая само событие, потому что, получив пулю и с жизнью простившись, думать об этом уже не будешь и никакая обида не сможет тебя достать...

Лагерь боевиков следовало разведать, хотя я понимал опасность такой разведки... Мы летели не на боевом бронированном ракетноносце, который сбить можно только ракетой. Мы летели на простом небесном работяге транспортнике, пусть и называемом военно-транспортным вертолетом. А военно-транспортный вертолет не имеет никакой защиты, как не имеет и вооружения, чтобы пресечь всякое желание

расстреливать свои борта снизу. К тому же шли мы на предельно малых высотах, когда допустим даже автоматный обстрел, а не только пулеметный, и даже он мог бы стать эффективным и опасным для нас.

Честно говоря, я не имел опыта подобных действий и не решался лезть со своими советами, которые могут оказаться смешными и нелепыми тем, кто в этом деле лучше разбирается. Я вообще не имел пока боевого опыта. И потому желал бы прислушаться к мнению старшего лейтенанта Воронцова, опытного спецназовца и командира экипажа самого вертолета, который тоже немало часов, думается, провел в воздухе. И потому позвал Воронцова в пилотскую кабину. Старлей, естественно, как это вообще, насколько я знаю из своего опыта общения, всем спецназовцам свойственно, сразу плечом двинул, оттирая меня на задний план, словно эта разведка только его интересовала. Хотя в этом он, может быть, и прав был. В первую очередь данные воздушной разведки могли заинтересовать спецназ, потому что прорваться к границе бандиты могут только по трупам спецназовцев, а мы в очереди на боестолкновение числимся только под вторым номером.

Командир экипажа отправил старшего лейтенанта в «фонарь» к штурману, откуда обзор гораздо более широкий и видимость лучшая. Я знал, что кабина штурмана слишком мала, чтобы там троим поместиться. Там двоим плечами повернуть невозможно, и потому остался с пилотами. Отсюда

обзор тоже был неплохой. Единственно, у меня не было возможности посмотреть себе под ноги под прямым углом. Но дымы костров впереди, про которые уже знал, я увидел издали, и потому почти лег на спинку кресла майора, чем заставил командира экипажа слегка поморщиться, но не возражать. Майор тоже понимал, что разведка, произведенная одной парой глаз, не все может констатировать, тогда как разведка двумя парами уже гораздо качественнее.

Я всматривался в лесистое дно ущелья, втайне надеясь увидеть то, что пропустит старший лейтенант Воронцов, несмотря на то что он профессиональный разведчик. Вернее, именно потому, что он профессиональный разведчик... Всегда хочется оказаться в подобной ситуации специалистом не хуже, чем настоящий профессионал, хотя я понимал, что профессионализм не может быть моментом сиюминутным, но является постоянной величиной, из которой и складывается специализация офицера. Но, к своему сожалению, увидеть я почти ничего не смог. Костры просвечивали сквозь кусты и стволы деревьев и в общем сумраке, создаваемом тучами, видны были ярко. Я смог сосчитать – три костра по центру, и видел еще пять дымов от других костров по кругу, уже на склоне, на левом и на правом. И даже, как мне показалось, фигуры нескольких людей в камуфляжке я сумел выхватить из общего фона, хотя они очень хорошо с этим фоном сливались. Однако этого было мало для составления данных разведдонесения, и это даже я, не разведчик, пони-

мал.

Вертолет пролетел мимо, поднялся чуть выше, насколько позволяли густые облака, и там на месте развернулся. Старший лейтенант Воронцов выглянул с лестницы, ведущей в отсек штурмана. Осмотрелся, меня не видя, и встретился взглядом с командиром экипажа.

– Люк открыть можно? – прокричал, забыв, что у него в руках наушники с микрофоном.

– Пассажирский? – тоже громко переспросил майор.

Я понял, что Воронцов отключил наушники, потому что от кресла штурмана вынужден был удалиться.

– Любой...

– Нет проблем... Зачем?

– Я выставлю туда пару пулеметов. У меня два пулемета во взводе. Надо... Пугнуть... Иначе они сами начнут стрелять.

– Соколов! – позвал майор. – Открой люк. Старлей, предупреди своих парней, чтобы не выпали. Я чуть-чуть на борт лягу, чтобы стрелять было удобнее.

Бортмеханик выскочил из своего закутка и сразу, без вопросов, поспешил в салон.

А старший лейтенант за ним двинулся, чтобы приказание отдать и выставить пулеметы. Я подумал было, чтобы занять его место у штурмана, но Воронцов вернулся быстро и сразу, не вступая в разговоры, спустился в штурманский отсек. Вертолет, до этого висевший в воздухе, чуть вздрогнул и двинулся обратным курсом к лагерю боевиков. Я сно-

ва склонился над плечом командира экипажа, чтобы видеть происходящее, и не сразу сообразил, что увидеть мне ничего не удастся, потому что пассажирский люк, в который установили пулеметы, находится ближе к середине корпуса, то есть у меня за спиной, и мне следовало бы в салон выйти, чтобы там, в отсутствие старшего лейтенанта Воронцова, ситуацию контролировать.

Я уже собрался было так поступить, когда понял, что первоначально занял правильную позицию для разведки и что пулеметный обстрел Воронцову понадобился вовсе не для ведения боевых действий. Пулеметных очередей слышно не было. Но стрелять, видимо, начали еще до того, как мы подлетели к главным кострам. Вертолет заметно на левый борт лег и летел медленнее, чем раньше, и мне пришлось даже вцепиться двумя руками в спинку кресла командира экипажа. Но взгляд от картины на дне ущелья я не отрывал. А потом внизу показались люди. Они метались, искали убежище, чтобы не попасть под пулеметный обстрел. И если раньше я видел, как мне показалось, четверых или пятерых боевиков, то сейчас я увидел их гораздо больше, не меньше двух десятков.

Старший лейтенант Воронцов, должно быть, корректировал полет вертолета, снова присоединив наушники и микрофон к креслу штурмана. Самому командиру экипажа трудно было предугадать, что хотелось бы увидеть разведчику, а я ничего не подсказывал. Но вертолет несколько раз почти

замирал, потом ближе к склону сдвигался, от маневров машину болтало и трясло сильнее, и все это время внизу суетились люди.

И все это время я не вспоминал о жене. Даже мысли не возникало о том, как она переносит эту болтанку вертолета. Мне как-то совершенно не до нее было, и я от этого был почти счастлив. Вспомнил только тогда, когда понял, что вертолет задирает нос и старается в таком положении высоту набрать. Пусть у меня и мало было боевого опыта, пусть и на вертолетах я летал не часто, но я хорошо знал, что при наборе высоты любой вертолет обычно нос опускает ниже и движется вперед и вверх винтами. И я легко сообразил, что произошло нечто, что мешает нам лететь нормально. А потом ощутил сильный ветер и увидел пробитый пулями фонарь кабины со стороны второго пилота. И сам второй пилот в своем кресле набок завалился. И было это так неожиданно, потому что я прекрасно понимал, насколько губительным для бандитов может быть огонь сверху сразу из двух пулеметов, но как-то в голове не укладывалось, что и в нас тоже могут и должны стрелять. Стреляли в нас, должно быть, со склона, из густых кустов, где мы никакой опасности не видели, потому что фонарь кабины был пробит выше уровня головы второго пилота, если считать, что машина летела ровно. Но она не летела ровно, она летела с наклоном, чтобы облегчить пулеметчикам обзор и обеспечить максимальные удобства для стрельбы, и потому попали во второго пилота.

Но и этого оказалось мало. Только оценив ситуацию, подумав о жене, о том, каково ей там сейчас, но подумав об этом не с сочувствием, а со злостью, я вдруг увидел, как пошатывается в своем кресле, на спинку которого я опирался, и первый пилот. И увидел кровь, стекающую с его руки и из бока. Но машину майор все же пытался выровнять, хотя вертолет покачивался не с боку на бок, а вперед и назад. И, одновременно, нарастала совсем уж малая скорость полета.

– Как вы, товарищ майор? – крикнул я, пытаюсь голосом перекрыть шум двигателя, значительно усилившийся в прострелянной кабине.

Майор не через плечо обернулся, а на второго пилота посмотрел и сам качнулся. Вертолет качнулся тоже. Наверное, командир экипажа что-то сказал, хотя слов я не слышал. Но что-то, может быть, интуиция, может быть, что-то другое, заставило меня понять желание майора, и я протиснулся к креслу второго пилота, потрогал пульс на горле, уже зная, что с такими ранами в боку люди не живут, оглянулся и по взгляду майора понял, что следует сделать. Я отстегнул второго пилота, вытащил его из кресла, а сам занял его место.

Я не снял с головы второго пилота наушник с микрофоном, и пришлось снова из кресла выбираться, чтобы обеспечить себя связью. Включить связь я сумел, потому что видел, как она выключалась, когда вытаскивал из кресла второго пилота. Я сел, думая, что буду управлять этой сложной и тяжелой машиной под командой первого пилота, я был уверен,

что смогу все сделать, лишь бы мне подсказывали, но в наушнике что-то щелкнуло, и раздался хриплый шепот командира экипажа:

– Поздно, кэп, поздно... Мы падаем... А я уже упал...

И голова майора упала на грудь. Это походило на команду, которой повиновался вертолет, и он тоже начал падать. Неестественно быстро... Так быстро, как не летают вертолеты. И высота у нас была небольшой.

Я еще успел оглянуться и увидеть, как поднимается из штурманского отсека старший лейтенант Воронцов, когда ощутил первый удар. Это еще не был удар корпуса вертолета о что-то, это был удар винта, задевшего дерево на склоне. Но следующий и следующие удары посыпались один за другим, раздался треск, звон, лязг рвущегося металла, а потом что-то ударило меня в голову, и стало тихо и спокойно...

Я еще успел подумать, что, наверное, я сплю, и все это мне снилось...

И я, кажется, уснул...

* * *

– Ну ты везунчик... Иначе не скажешь...

Я не сразу узнал голос старшего лейтенанта Воронцова. Вернее, голос-то я узнал и даже лицо узнал, только никак не мог вспомнить, что это за человек склонился надо мной.

– Ну-ну... Приходи в себя...

Должно быть, мой взгляд изображал собой полное отстранение от реальности, и Воронцов состояние мое понял.

– Что со мной?

– Контузия...

– Вертолет... – вспомнил я наконец.

– Громыхнулись... Не взорвался, не горит, и то ладно. Выбирайся... Ты цел, невредим и почти жив. Мне надо солдат посмотреть.

– Голова... – я осознал наконец-то страшную головную боль.

– А ты не видишь ничего? – спросил Воронцов.

Я попытался повести глазами. И увидел, что в кабину вертолета сквозь разбитый «фонарь» кабины вошел громадный кусок ствола сломанной сосны, ударил меня по голове, но, кажется, не убил. А толстый сук того же ствола, способный проткнуть человека насквозь, оказался у меня под мышкой. Порванная одежда, несколько царапин и гарантированное сотрясение мозга – это все, что я получил вследствие аварии.

Старший лейтенант шлепнул меня по плечу, приободряя, и с трудом протиснулся за сломанным креслом командира экипажа к выходу в грузопассажирский отсек.

Я прислушался. Вертолет не шумел двигателем, и это было настолько непривычно, что возбужденные голоса из салона просто раздражали. Но они же еще и звали, показывая, что я не один остался, и не наедине с Воронцовым тоже. Я тут же осознал, что в салоне летели и солдаты, и священник,

и пассажиры, и мои сослуживцы, и – это я почему-то вспомнил в последнюю очередь – жена. Майор, как я определил с первого взгляда, если и жив, то не командир. А я – старший по званию офицер, и там может быть необходима моя помощь. И мне следует поторопиться...

Я стал выбираться из стволов и веток, что заполнили пространство вокруг меня. И увидел прибитого толстой веткой к стене окровавленного бортмеханика, который только что в кабину вернулся из салона. Его прокололо насквозь, как могло бы проколоть меня. Бортмеханик, видимо, склонился над телом второго пилота, и толстая ветка пробила ему плечо, пробила грудь и вошла в стену. Зрелище было неприятным и жутким, и я от этой картины заспешил. Впрочем, большого труда выбраться из кресла не составляло. Я протиснулся за командирским креслом к выходу, тут же торопливо шагнул за порог в салон и только в этот момент почувствовал, что вертолет неустойчив и слегка покачивается. Причем покачивается совсем не так, как качался бы в воздухе во время полета. Это было, скорее, покачивание доски, концы которой установлены на неустойчивых опорах. Такое у меня содалось впечатление. Но разбираться в этом я сразу не стал, потому что в салоне в тяжелом сумраке при неработающем электрическом освещении шло какое-то действие, и я хотел разобраться, что там происходит...

К моему удивлению, среди потерпевших аварию не было паники. Старший лейтенант Воронцов распорядился уверенно, только я не понял, почему он первыми высаживает из вертолета своих солдат. Вернее, я понял, что за солдат он несет персональную ответственность и для него, наверное, их жизнь и безопасность важнее всего. Но в вертолете есть гражданские, есть раненые и, как я уже убедился, погибшие. Головная боль после скользящего удара стволом сосны мешала мне кричать громко. И пусть теперь в вертолете не слышно было шума двигателей, Воронцов все равно не услышал, когда я крикнул:

– Старлей! Сначала гражданских высади... И раненых...

Вертолет опять качнуло, и уже настолько существенно, что я чуть не потерял равновесие. Тем более следует первыми высаживать самых слабых и незащищенных. И я почти побежал, если здесь вообще можно было бежать, к Воронцову.

– Старлей, ты оглох? – спросил я резко.

– Тебя, кэп, видимо, сильно бревном ударило... – бросил он через плечо, высунулся из люка и стал что-то рукой показывать. Потом крикнул:

– Еще шагов на сорок поднимитесь. На скалу...

– Что такое? – спросил я.

Но ответа не получил. Воронцов не обернулся, продолжая

куда-то всматриваться. И даже бинокль у него в руках появился. Значит, смотрел вдаль. Этот бинокль и помог мне обрести соображение. А полностью вернули к действительности отдаленные уже автоматные очереди. Плотные, жесткие, хлесткие – словно кого-то расстреливали с короткой дистанции. Дальняя стрельба не бывает такой плотной. И стихла она быстро, показывая, что какая-то из сторон показала свое явное преимущество.

– Боевики? – спросил я.

– Значит, не совсем мозги вышибло, – грубо отозвался старший лейтенант. – Отдыхай, ты контужен, и не мешай работать... Лейтенант, обыщи вертолет. Здесь должны быть крепежные ремни. Груз-то как-то крепят, если есть петли. – Палец Воронцова ткнулся в петлю, торчащую из каркаса вертолета.

Приказ относился к лейтенанту Соболенко, отпускнику с одной из наших застав. Причем прозвучал приказ так, словно меня здесь не было и не я был в настоящий момент старшим по званию. А согласно всем уставам, в подобной ситуации командует старший по званию, невзирая на то что мы принадлежим к разным ведомствам. И потому я хотел было возразить, но нарвался на взгляд старшего лейтенанта. И этот взгляд красноречиво говорил, что он – диктатор в ситуации и уже твердо решил взять командование на себя. В любом случае, если бы я попытался перехватить инициативу, солдаты взвода старшего лейтенанта просто не стали бы

слушать мои команды, когда приказывает их командир. И я оказался бы просто в смешном положении. А я не люблю быть смешным. Я очень не люблю быть смешным...

– Отдыхай, кэп... – повторил Воронцов уже мягче. – Займись собой и женой...

Ох, не вовремя он напомнил. Я опять почти забыл о ее существовании. И был тем счастлив...

– Я по званию... – начал я тихо, чтобы напомнить ему прописные истины.

– Ты много повоевал в своей жизни? – перебивая меня, спросил он напрямую.

– Я не воевал, но...

– Но я четыре года уже воюю, и предоставь уж мне продолжать делать то, что я умею. Просто не мешай, поскольку у тебя сильнейшая контузия... После ударов оглоблей иногда дураками становятся... А тебя хорошая оглобля стукнула. Не показывай себя в не лучшем свете. Не мешай, я знаю, что делать...

– Где Валуев с Родняковым? – спросил я лейтенанта Соболенко, который вслушивался в наш разговор с Воронцовым и не знал, выполнять ему команду в присутствии своего старшего по званию офицера или ждать моего согласия на это.

Старшие лейтенанты Валуев и Родняков летели вместе с ним, но я не видел их, хотя должны были бы по долгу службы оказаться рядом со мной.

– Родняков... – тихо сказал лейтенант. – Сук дерева обшивку прошел, и ему в спину...

– Валуева я отправил со своими солдатами, – сообщил Воронцов. – Выставил заслоны от бандитов, чтобы спокойно выгрузить раненых.

Он не докладывал, он просто ставил меня в известность. И коротко глянул на Соболенко.

– Выполняй... – послал я лейтенанта.

Соболенко, как мне показалось, бросился выполнять команду с радостью. Старший лейтенант Воронцов своей уверенностью в действиях и командах в самом деле показывал, что имеет право на командование, и за таким командиром обычно охотно идут другие. В принципе, я тоже готов был согласиться, что, согласно опыту, командовать здесь должен Воронцов. Да и боль в голове подталкивала меня к такому решению.

И я, чтобы совсем не упасть лицом в лужу и не показать, что подчинился обстоятельствам, а не пониманию ситуации, выглянул из люка. Оказалось, что корпус вертолета завис в паре метров над землей на крутом склоне, застряв между тяжелыми сосновыми стволами. Но корпус не только между стволами застрял, он был еще подвешен на толстых сучьях, которые не сумел сломать, но которые легко пробили легкую бортовую обшивку. В сумраке салона эти ветви не было видно, но с улицы авария показывала, как должно было достаться тем, кто угодил под такой сук.

– Согласен, командуй, – кивнул я старшему лейтенанту. –

Только меня о ситуации информируй. Потери есть?

– Отец Валентин подсчитывает, сейчас доложит... Ты к жене-то хоть подойди.

Он словно бы видел, как мне не хочется это делать, и потому старался принудить меня к этому. Я вздохнул, молча все пережил, но все же двинулся в сторону горы из рюкзаков, совсем недавно бывших еще креслом из рюкзаков. Как раз отец Валентин вытаскивал оттуда за руку Ксению. Но я был уверен, что с ней ничего не случится. С ней то есть всегда что-то случается, но страдают окружающие. Она же, как поплавок, слегка потрепанная, всегда будет на плаву...

* * *

Священник оказался парнем деятельным. Мельком Ксению осмотрев, хотел перекрестить ее, но почему-то остановился и дальше двинулся, чтобы помочь тем, кому помощь в самом деле нужна была, а она еще что-то вслед ему сказала. Мне слов не слышно было, потому что Ксения имеет привычку говорить шепелявым полусшепотом, который и разобрать-то сложно.

Я подошел.

– Вспомнил, что я есть? – спросила она.

– Напомнили, к сожалению, – ответил я сухо.

Глава 3

1. Ширвани Бексолтанов, самодостаточный эмир

Примета это нехорошая. Она, конечно, не стопроцентная. Бывало тоже, что не срабатывала, но чаще, в большинстве случаев, нехорошая примета...

Шрамы на лице у меня начали «гореть» сразу после того, как я получил сообщение от Вахийты о прерванной связи с вертолетом. Я тогда еще почувствовал, что вертолет, скорее всего, не долетит до места и нас ждут какие-то осложнения ситуации. Если он не долетит, чего я своим врагам от всей души не желаю, придется вместо хорошо продуманной операции ввязываться в какую-нибудь авантюру, и неизвестно, чем такое мероприятие может закончиться. Я всегда был и остаюсь сторонником продуманных и тщательно, точно выверенных действий, и потому мне многое удастся, если только не все... А в аванюре только на неверную удачу можно полагаться, но удача – шлюшильда прописная и никто больше, и нет никогда на нее полной надежды, и быть не может... Как человек, воспитанный на старой мусульманской морали, я ненавижу шлюх, и все, что с ними связано. Когда приводили в мой джамаат продажных шалав, чтобы мужчины совсем

не одичали без женщин, я всегда приказывал расстреливать их после использования по назначению. И сам никогда их услугами не пользовался. А шлюх во время войны понаехало море, в основном с Украины и из Молдавии. Не знаю уж, что их оттуда к нам манило. Своих мужиков не хватает, что ли... Удача – персона из того же шлюшиного ряда, и я предпочитаю на нее не полагаться. Хотя полагаться иногда приходится, и нынешний случай – характерный пример тому. Просто больше и положиться не на что, хотя я и здесь попытался провести возможное планирование. Только – возможное, потому что точного провести было нельзя, не имея конкретных данных.

Вахийта, хотя, наверное, связь с авиадиспетчером по-прежнему поддерживал, мне больше не звонил, но, как всегда, все знающий Уматгирей опять каким-то образом опередил меня, словно находился не в далекой, противной моему пониманию правильного мира Швейцарии, а на месте происшествия или хотя бы в самом Грозном. Он не только опередил, он даже сумел договориться насчет вертолета для поиска пропавших в то время, когда федералы, соблюдая правила полетов, поиск вести не будут, чтобы не потерять еще одну машину. Более того, Уматгирей заявил, что пилоту полет уже оплачен, то есть кто-то меня поддерживает и подстраховывает по указке Уматгирея прямо здесь, на месте. Но я не так прост, как кажется со стороны, и понимаю, что меня не только поддерживают и страхуют, меня еще и контроли-

руют, что мне, естественно, совсем не нравится, потому что я никоим образом не являюсь и являться не собираюсь подчиненным Уматгирею лицом, и если порой работаю с ним совместно, то только на равных условиях. Я всегда сам по себе, я – самодостаточен и горжусь этим...

Меня контролируют... На меня, говоря понятнее, «стучат»... Такое открытие заставило меня еще больше покраснеть шрамами на лице и перебрать мысленно, что называется «по косточкам», всех своих людей, потому что Уматгирей, насколько я его знаю, не поленится платить кому-то, чтобы получать обо мне и о моих конкретных действиях полную информацию. И я мысленно «ощупал» каждого из своих парней на «вшивость»... Это занятие неблагодарное, и я пришел к выводу, что положиться в трудной ситуации могу абсолютно на всех, и все мои люди отличаются гарантированной надежностью. И, одновременно с этим, ни на кого не могу полностью положиться, потому что любой может оказаться купленным Уматгиреем человеком... Странные выводы, которые не дают никакого результата...

* * *

В этот раз с собой я мог взять на операцию только троих. Показал им место, где следует ждать посадки в вертолет и где их с оружием в руках со всех сторон видно не будет. Недалеко от Грозного и тем более рядом с дорогой к воору-

женным людям по нынешним временам присматриваются и звонят порой ментам. И потому нельзя было отнестись к выбору места легкомысленно. Я не отнесся. Нашел что нужно. Место укромное и, кажется, даже для посадки маленького вертолета подходящее. В крайнем случае, всегда можно будет по телефону подкорректировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.